

Т Ч А Р Л З Т О Д Д

НАСТОЯЩИМ ЦЕНИТЕЛЯМ
АНГЛИЙСКОГО ДЕТЕКТИВА

ИСПЫТАНИЕ
ВОЛИ

Инспектор Иен Ратлидж

Чарлз Тодд

Испытание воли

«Центрполиграф»

2012

Тодд Ч.

Испытание воли / Ч. Тодд — «Центрполиграф»,
2012 — (Инспектор Иен Ратлидж)

Июнь 1919 года. Инспектор Иен Ратлидж, получивший контузию в Первой мировой войне, вернулся в Скотленд-Ярд. Он пока еще не чувствует в себе достаточных сил, так необходимых для тяжелого расследования, которое на него возложили. Но служба есть служба. Он отправляется в небольшой городок Аппер-Стритем, где жестоко убит герой войны полковник Харрис. Найти убийцу – не только дело чести для Ратлиджа. Это еще и важное политическое задание, потому что за расследованием с пристрастием следят в Букингемском дворце.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	23
Глава 4	32
Глава 5	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Чарлз Тодд

Испытание воли

Глава 1

В этой тихой части Уорикшира смерть посещала города и деревни так же часто, как и везде в Англии. Сыновья и отцы погибли на мировой войне; ужасная эпидемия гриппа опустошила графство, не щадя ни мужчин, ни женщин, ни детей, как по всей Европе, и убийства случались порой даже здесь, в Аппер-Стритеме.

Так, одним прекрасным июньским утром, когда ранний туман поднимался в солнечном свете, подобно савану, полковник Харрис был хладнокровно убит на лугу, где цвели лютики и примула, и его последним осознанным чувством был гнев. Дикая черная ярость пронзила его, прежде чем все погрузилось в небытие, и он, несмотря на ружейный выстрел, еще успел вонзить шпоры в бока коня, пока его руки сжимали поводья в спазме, крепком как железо.

Он умирал тяжело, неохотно, ругая Бога, и его крик отозвался эхом в тихих лесах, подняв стаи грачей с деревьев.

В Лондоне, где дождь лил с карнизов и бежал черной водой по сточным канавам, человек по фамилии Боулс, никогда не слышавший о полковнике Харрисе, получил информацию, которая могла стать ему подспорьем в тайном расследовании жизни и деятельности одного из коллег Скотленд-Ярда.

Он сидел за столом в мрачном, старом кирпичном здании, уставясь на лежащее перед ним письмо. Оно было написано на дешевой бумаге густыми чернилами, округлым детским почерком, но Боулс почти боялся притронуться к нему. Письмо было для него бесценным, и, если он молил богов, в которых верил, даровать ему необходимое оружие, они не могли лучше выполнить его просьбу.

Его светложее лицо расплылось в радостной улыбке, а суровые, янтарного цвета глаза прищурились.

Если это было правдой – а у него имелись все основания в это верить, – он был абсолютно прав насчет Иена Ратлиджа. Боулс был отомщен шестью строчками, написанными девичьим почерком.

Прочитав письмо последний раз, Боулс аккуратно сложил его, спрятал в конверт и положил в ящик стола.

Теперь вопрос заключался в том, как лучше использовать эти знания, не опалившись в огне, который он хотел разжечь.

Если бы те же самые боги придумали способ...

Но похоже, он у них был.

Спустя двадцать четыре часа из Уорикшира прибыла просьба о помощи, и суперинтендент Боулс абсолютно случайно оказался в нужном месте и в нужный момент, чтобы выдвинуть простое и явно конструктивное предложение. Боги были очень щедрыми. Боулс был необычайно им признателен.

Просьба о помощи прибыла в Скотленд-Ярд по обычным каналам и была изложена обычными терминами. Но в сухих строках ощущалась явная паника.

Местные полицейские силы, озадаченные жестоким убийством полковника Харриса, делали все, чтобы провести расследование быстро и эффективно. Но когда было зафиксиро-

вано заявление одного свидетеля и инспектор Форрест понял, к чему оно может привести, в полиции Аппер-Стритема испугались не на шутку.

На совещании с высшими властями графства было благоразумно решено позволить Скотленд-Ярду разбираться в ситуации, а самим держаться от расследования как можно дальше. В данном случае столичное вмешательство искренне приветствовалось. С нескрываемым облегчением инспектор Форрест направил свою просьбу в Лондон.

Ярд, в свою очередь, столкнулся с серьезной дилеммой. Волей-неволей они получили к рассмотрению дело, где были необходимы осторожность и опыт. В то же время оно было скверным, с какой стороны на него ни смотреть, и чья-то голова обязательно должна была покатиться. Следовательно, человек, посланный в Уорикшир, должен быть легко заменяемым, как бы хорош он ни был на своей работе.

И тогда Боулс выступил со своевременными комментариями.

Инспектор Ратлидж вернулся в Ярд, покрыв себя грязью и славой в окопах Франции. Такой выбор, без сомнения, снискал бы популярность в Уорикшире, так как демонстрировал чуткость, необходимую в данных обстоятельствах. Что касается опыта, инспектор расследовал ряд серьезных дел до войны, оставив блистательный послужной список. Слова «козел отпущения» конечно же не были употреблены, но Боулс деликатно указал, что пожертвовать Ратлиджем было бы наименьшей моральной потерей – если бы дело дошло до этого, – так как он только что вернулся в полицию.

Последовала полуискренняя увертка относительно состояния здоровья Ратлиджа, но Боулс решительно отмел ее. Врачи объявили инспектора пригодным к исполнению обязанностей, не так ли? И хотя он все еще был худым и изможденным, но уже напоминал человека, ушедшего в армию в 1914 году. Естественно, он стал старше и бесстрашнее, но этого следовало ожидать. Война изменила многих...

Рекомендация была одобрена, и обрадованного Боулса послали уведомить Ратлиджа. Найдя инспектора в маленькой комнатке, где он читал пачку рапортов о текущих делах, Боулс постоял в коридоре несколько минут, стараясь выровнять дыхание и принудить себя к сдержанности. Затем он открыл дверь и вошел. Человек за письменным столом поднял взгляд – улыбка преобразила его худое бледное лицо, оживив усталые глаза.

– Война не улучшила человеческую натуру, верно? – Он постучал по открытой папке и добавил: – Пятое убийство во время потасовки. Кажется, армия смогла научить нас кое-чему – а именно помещать лезвие между ребрами с нужным результатом. Никто из пятерых не выжил. Если бы мы так орудовали штыками, воюя с немцами во Франции, то были бы дома в шестнадцатом году.

Голос был приятным и мелодичным. И именно его Боулс, обладавший пронзительным северным акцентом, больше всего не любил у Ратлиджа, как и тот факт, что его отец был адвокатом, а не бедным шахтером. Обучение легко давалось Ратлиджу. Ему не пришлось упорно работать, вдалбливая каждый кусочек знаний в мозг усилием воли, и бояться экзаменов, ощущая себя посредственностью. Необходимость суровой борьбы там, где другие парили на фалдах фраков выросших в Лондоне отцов и дедов, задевала гордость. Кровь всегда давала о себе знать. Боулса это возмущало. Если бы существовала справедливость, германский штык должен был прикончить этого солдата вместе с остальными.

– Ну, вы можете это отложить. У Майклсона есть кое-что для вас, – сообщил Боулс, составляя в уме фразы, которые доносили бы только голые факты, оставляя в стороне нюансы, могущие насторожить Ратлиджа или дать ему возможность отказаться от поездки в Уорикшир. – Пройдет месяц, и ваши фотографии будут во всех чертовых газетах, помяните мое слово. – Он сел и начал вежливо описывать ситуацию.

Оставив позади пригороды Лондона, Ратлидж поехал на северо-запад. Утро было скверное, дождь стучал по ветровому стеклу, падая с серого неба грязным занавесом от горизонта к горизонту; колеса отбрасывали по обе стороны потоки воды, словно черные крылья.

Адская погода для июня.

«Мне следовало бы сесть в поезд», – думал Ратлидж, сбавив скорость. Но он знал, что все еще не сможет вынести пребывания в вагоне. Одно дело – быть закупоренным в машине, которую можно остановить в любой момент, и другое – находиться в поезде, который не можешь контролировать. Двери закрыты, в купе жарко и душно. Скученность людей вокруг вызывает чувство паники, как и голоса, звенящие в ушах, как стук колес, подобный ударам собственного сердца. Одна мысль об этом вызывала волну ужаса.

Врачи называли это клаустрофобией – естественным страхом у человека, который был заживо погребен в окопе на линии фронта и задыхался от скользкой грязи и зловонных трупов.

Слишком рано, говорила его сестра Франс. Слишком рано возвращаться к работе! Но Ратлидж знал, что если не сделает этого, то потеряет то, что осталось от его рассудка. Он нуждался в отвлечении, которое, казалось, предлагало это убийство в Уорикшире. Ему надо было сосредоточиться, чтобы восстановить давно забытый опыт и держать Хэмиша на расстоянии.

«Ты должен повернуть здесь».

Голос в его голове был четким, как стук дождя по крыше автомобиля, – глубокий голос с мягким шотландским акцентом. Теперь он уже привык его слышать. Врачи говорили ему, что это должно случиться, что ум часто принимает созданное им самим, дабы избавиться от того, с чем не может примириться. По их словам, контузия – странная вещь, имеющая собственные правила. Поняв это, можно примириться с реальностью, но, если начать сражаться, можно рассыпаться на мелкие кусочки. Тем не менее Ратлидж долгое время сражался, но врачи были правы – это едва не уничтожило его.

Он повернул, глядя на указатели. Да. Дорога в Бэнбери.

Как ни странно, Хэмиш был более безопасным компаньоном, чем Джин, которая преследовала его по-своему. Как вырвать любовь из плоти и крови?

Во Франции Ратлидж научился смотреть в лицо смерти. Со временем он должен научиться смотреть в лицо жизни. Только нужно пробраться через одиночество и опустошенность. «Дорогой, есть другие женщины, – говорила ему Франс, грациозно поводя плечами. – Через год ты сам будешь удивляться тому, что так любил именно эту. В конце концов, она же не влюбилась в другого мужчину!»

Ратлидж резко свернул, дабы избежать столкновения с телегой, которая без предупреждения выехала на дорогу с грязной тропинки между полями.

«Следи за дорогой, приятель, не то мы оба погибнем!»

– Иногда я думаю, что так было бы лучше для нас обоих, – ответил Ратлидж, не желая думать о Джин, но не в состоянии думать о чем-то еще.

Все напоминало ему о ней – десять тысяч воспоминаний поджидали его, как враги в засаде. Она любила водить автомобиль под дождем – стекло затуманивало их теплое дыхание, смех соединялся с хрустом шин. Машина была их личным, интимным миром.

«Но смерть – это дорога для труса! Ты не спасешься так легко. У тебя есть совесть, приятель. Она не позволит тебе сбежать. И я тоже».

Ратлидж резко засмеялся:

– Может прийти день, когда у тебя не будет выбора.

Он смотрел на дорогу, как всегда отказываясь оглядываться, потому что голос, казалось, исходил с заднего сиденья. Искушение повернуться было сильным – почти таким же сильным, как отчаянный страх перед тем, что он мог увидеть, сделав это. Ратлидж уже привык жить с голосом Хэмиша. Но он безумно боялся увидеть его лицо. И когда-нибудь это могло произойти. Мертвое лицо с пустыми глазами. Или обвиняющее, молящее о жизни...

Вздвигнув, Ратлидж заставил себя сосредоточиться на дороге. В день, когда он увидит Хэмиша, он покончит с этим. Он себе это обещал...

Было очень поздно, когда Ратлидж добрался до Аппер-Стритема, дождь все еще хлестал, улицы городка были безлюдными, безмолвными. Он направился к гостинице на Хай-стрит.

«Хайлэндские города субботними вечерами похожи на этот, – неожиданно заговорил Хэмиш. – Все добрые пресвитериане спят в своих постелях, помня о завтрашнем воскресенье. А католики вернулись с исповеди, чувствуя себя добродетельными. Ты помнишь о состоянии своей души?»

– У меня ее нет, – устало ответил Ратлидж. – Ты говоришь мне это достаточно часто. Думаю, это правда.

Черно-белый фасад гостиницы маячил впереди, призрачный в пелене дождя, – ветхое древнее строение с соломенной крышей, словно укоризненно хмурившейся на болтающуюся под ней вывеску с надписью «Пастуший посох».

Ратлидж свернул в увитую глицинией арку, проехал во двор и остановил машину в пустом пространстве между маленьким зарешеченным сараем и задней дверью гостиницы. За сараем находилось нечто напоминающее в свете фар квадратное озеро с пагодами и островами над черной водой. Несомненно, огород с ранними луком и капустой.

Кто-то услышал, как он ехал по подъездной аллее, и наблюдал за ним со ступенек черного хода, держа в руках свечу.

– Инспектор Ратлидж? – спросил человек.

– Да.

– Я Бартон Редферн, племянник хозяина. Он просил меня дожидаться вас.

Дождь полил с новой силой, и Редферн поспешно шагнул внутрь, держа дверь открытой, пока Ратлидж шлепал по лужам, неся в одной руке чемодан, а другой придерживая шляпу. Буря последовала за ним через порог.

– Мой дядя сказал, что вам нужно отвести комнату над гостиной, где по ночам тихо. Она вон там. Хотите чашку чая или что-нибудь из бара? Вы выглядите так, что вам не помешало бы выпить.

– Нет, спасибо. – На всякий случай в его чемодане был виски. – Что мне нужно, так это поспать. Дождь шел все время, временами сильный. Мне пришлось на час остановиться около Стратфорда, пока ливень не уменьшился. Есть какие-нибудь сообщения?

– Только то, что инспектор Форрест повидается с вами за завтраком, если вы не против. В девять?

– Лучше в восемь.

Они вскарабкались по узкой спиральной лестнице на второй этаж. Бартон Редферн, которому на вид было лет двадцать с небольшим, тяжело прихрамывал. Обернувшись через плечо, чтобы сказать что-то, он поймал взгляд Ратлиджа, смотревшего на его левую ногу, и промолвил:

– Ипр, осколок снаряда. Врачи говорят, что все будет в порядке, когда мышцы окрепнут как следует. Но я не знаю. Доктора не всегда так умны, какими себя считают.

– Да, – с горечью согласился Ратлидж. – Они делают что могут. Но иногда это немного.

Редферн прошел по темному коридору и открыл дверь в широкую проветренную комнату, с лампой, горящей у кровати, и ярко расцвеченными занавесками на окнах. Оказавшись не в тесной узкой комнатке, где спать было бы почти невозможно, Ратлидж с благодарностью кивнул, и Редферн, уходя, закрыл дверь со словами:

– Значит, в восемь. Я прослежу, чтобы вас разбудили за полчаса.

Спустя пятнадцать минут Ратлидж уже спал.

Он никогда не боялся сна. Это было единственное место, куда Хэмиш не мог последовать за ним.

Сержант Дейвис, мужчина средних лет, массивный, спокойный, пребывал в мире с самим собой. Но сейчас в его лице читалось напряжение, как если бы он был на грани срыва. Дейвис сидел за столом Ратлиджа посреди маленького гостиничного ресторана, наблюдая, как Редферн наливает ему чашку черного кофе, и объясняя, почему он пришел вместо своего начальника.

– По правилам инспектор Форрест должен был ответить на ваши вопросы, но он вернется только около десяти. В Лоуэр-Стритеме пьяный водитель грузовика устроил аварию. Погибли два человека. Скверное дело. Как и убийство полковника Харриса. Его все уважали. Никто не ожидал, что его убьют. – Он вздохнул. – Жалкая смерть для человека, который прошел две войны невредимым. Но Лондон в этом разберется.

Ратлидж намазал на тост домашнее земляничное варенье. Оно было темным, густым, как патока, и казалось изготовленным еще до войны. Взяв кусок, он посмотрел через стол на сержанта.

– Сейчас я не в Лондоне, а здесь. Расскажите, как это произошло.

Дейвис откинулся на спинку стула и нахмурился, приводя в порядок мысли. Инспектор Форрест специально предупреждал его, как следует излагать события. Сержант гордился своей надежностью.

– Дробовик. Разнес ему голову в клочья от самого подбородка. Полковник выехал на утреннюю прогулку верхом ровно в семь, как всегда делал, когда был дома. Возвращался он в половине девятого к завтраку. Так было каждый день, кроме субботы, в дождь и в солнце. Но в понедельник, когда он не вернулся к десяти, его управляющий, мистер Ройстон, пошел искать его в конюшню.

– Почему? – Ратлидж достал ручку и маленькую кожаную записную книжку. – Именно в этот день?

– На девять тридцать была назначена встреча, и не в обычаях полковника было забывать о делах. Придя в конюшню, мистер Ройстон застал конюхов в панике, потому что лошадь полковника только что примчалась одна, а на ее седле и боках была кровь. Людей сразу же послали на поиски, и полковника наконец обнаружили на лугу у рожицы, на границе его владений.

Дейвид сделал паузу, позволяя Ратлиджу записать услышанное.

– Мистер Ройстон первым делом послал за инспектором Форрестом, но тот искал потерявшегося ребенка Барлоу. Ко времени, когда я получил сообщение и прибыл на место происшествия, земля была истоптана конюхами и работниками фермы. Поэтому мы не уверены, что его застрелили именно там. Но это не могло случиться дальше чем в нескольких ярдах от места, где его нашли.

– И никаких указаний на то, кто мог сделать это?

Сержант неловко подвинулся на стуле – его глаза устремились на квадратики бледного солнечного света, падавшего на полированный пол. Дождевые облака к этому времени рассеялись.

– Что до этого, то вы должны знать, что капитан Марк Уилтон, который получил крест Виктории, накануне вечером, вскоре после обеда, поссорился с полковником. Понимаете, он собирается жениться на подопечной полковника, и какое-то недоразумение, по словам слуг, возникло из-за свадьбы. Посреди ссоры капитан в гневе вышел из дома, и было слышно, как он сказал, что сначала увидит полковника в аду. Полковник швырнул в дверь стакан с бренди, когда капитан захлопнул ее, и крикнул, что это можно устроить.

Это была, безусловно, более колоритная версия голых фактов, которые Ратлидж услышал в Лондоне. Забыв о завтраке, он продолжал писать, мысленно опережая спокойный голос Дейвиса.

– А что говорит подопечная?

– Мисс Вуд в своей комнате под присмотром доктора и никого не принимает, даже жениха. Капитан остановился у миссис Давенант. Она племянница его матери. Инспектор Форрест пытался допросить его, но капитан сказал, что не бегает вокруг, стреляя в людей, что бы он ни делал на войне.

Ратлидж отложил ручку, доел тост и потянулся к чашке с чаем. Ему незачем было спрашивать, что Марк Уилтон делал на войне. Его фотографии появились во всех газетах, когда он был награжден королем, – капитан не смог сбить Красного Барона¹, но сбивал всех других германских летчиков, которые попадались ему в небе над Францией. Как-то июльским днем Ратлидж наблюдал воздушный бой над окопом, и позднее ему рассказали, кто был английским пилотом. Если это была правда, Уилтон был талантливым летчиком.

Полковник Харрис, сравнительно молодой для своего звания, участвовал в бурской и мировой войнах, заслужив репутацию опытного пехотного тактика. Ратлидж однажды встречал его – высокого, энергичного, чуткого офицера, знавшего, как обращаться с усталыми испуганными людьми, от которых слишком часто требовали невозможного.

Хэмиш без предупреждения засмеялся: «Он знал, как расшевелить людей. Некоторые из нас с удовольствием продырявили бы ему голову, если б им представился шанс, после той третьей атаки. Это было самоубийство, и он это знал, но послал нас в бой. Не могу сожалеть о том, что он получил свое. Лучше поздно, чем никогда».

Ратлидж поперхнулся чаем. Он знал, что Хэмиша никто не может слышать, и все же иногда его голос был таким четким, что он боялся, как бы все вокруг в изумлении не устали на него.

Ратлидж указал Дейвису на его стул, когда сержант попытался встать и похлопать его по спине. Все еще кашляя, он спросил:

– Это все, что вы сделали?

– Да, сэр, нам сказали оставить все для Ярда.

– Как насчет дробовика? Это вы хотя бы проверили?

– Капитан говорит, что он пользовался оружием в доме полковника, если хотел пострелять. Но никто из них давно не стрелял. Мы спросили миссис Давенант, есть ли у нее огнестрельное оружие. Она сказала, что продала дробовики покойного мужа перед войной. – Сержант бросил взгляд через плечо, и Бартон Редферн пересек зал, чтобы вновь наполнить его чашку. Когда молодой человек, хромя, отошел, сержант осторожно добавил: – Конечно, из-за ссоры капитан выглядит виновным, но я научился на этой работе, что внешний вид бывает обманчивым.

Ратлидж кивнул:

– Убийство совершено три дня назад. После дождя прошлой ночью бесполезно что-либо искать на лугу или в других местах, куда полковник мог отправиться верхом. У вас есть список людей, с которыми нужно побеседовать? Кроме мисс Вуд и Уилтона. И этой миссис Давенант.

– Их немного. Слуги и парни, которые нашли тело. Лоренс Ройстон. Мисс Тэррант. За этой леди капитан Уилтон ухаживал до войны, но она потом отвергла его и вроде не возражает, чтобы он женился на мисс Вуд. Все же кто знает, верно? Она могла бы пролить свет на то, как эти двое мужчин ладили друг с другом. Есть еще мистер Холдейн – сын сквайра. Он был одним из ухажеров мисс Вуд, как и викарий.

Дейвис внезапно усмехнулся, и в его глазах появился непрофессиональный блеск.

– Некоторые говорят, что мистер Карфилд стал священником, так как видел, что близится война, но в действительности увлекался театром. Он читает проповеди лучше, чем ста-

¹ *Красный Барон* – барон Манфред Альбрехт фон Рихтгофен, германский летчик-истребитель, признанный лучшим асом Первой мировой войны. Фюзеляж его самолета был ярко-красного цвета. (*Здесь и далее примеч. пер.*)

рый преподобный Мотт. При мистере Мотте мы узнали об апостоле Павле больше, чем хотели знать, так что мистер Карфилд явился приятным сюрпризом! – Он продолжал более серьезно: – Две леди Соммерс поселились здесь недавно и редко где бывают. Сомневаюсь, что от них будет толк, если не считать того, что они живут рядом с местом, где было найдено тело, и могли видеть или слышать что-нибудь полезное для нас.

Ратлидж кивнул, когда Редферн подошел со свежим чайником, подождал, пока тот наполнил его чашку, и спросил:

– Что можете сказать о мисс Вуд?

– Она очень... привлекательная молодая леди, – ответил Дейвис, поколебавшись перед словом «привлекательная», как если бы оно было неподходящим, – и продолжил: – Затем, конечно, Мейверс. Он местный, любит возбуждать толпу, вечно сует нос в чужие дела, создавая неприятности ради их самих. Если что-то неподобающее происходит в Аппер-Стритеме, о Мейверсе думаешь в первую очередь.

– Нас интересует вероятный мотив для убийства Харриса.

– В случае Мейверса мотив вероятный. Он досаждал полковнику задолго до войны. Разумеется, мы ничего не могли доказать, но случались пожары, находили мертвый скот и тому подобное. В последний раз, когда одну из собак отравили, полковник угрожал отдать Мейверса под суд, если такое произойдет снова. Но у него железное алиби, инспектор Форрест говорил с ним. Тем не менее я бы имел его в виду.

Ратлидж услышал надежду в голосе Дейвиса, однако сказал:

– Хорошо, если это все, мы начнем с мисс Вуд. Она сможет дать нам лучшую картину ссоры: какова была ее причина и могло ли это иметь отношение к смерти ее опекуна. Вы мне там потребуетесь. Инспектор Форрест может отпустить вас? – Он закрыл авторучку, спрятал книжечку в карман и снова потянулся за чашкой.

Дейвис выглядел озадаченным.

– Значит, вы не привезли с собой сержанта?

– У нас в Ярде сейчас не хватает людей. Вы подойдете.

– Но... – начал Дейвис и умолк в смущении. Он привык говорить с Форрестом, а не с этим долговязым незнакомцем из Лондона с властным голосом и холодными глазами.

Пора было доложить о факте весьма неприятном – единственной улике, которую никто не хотел принимать. Дейвису было велено дожидаться, чтобы Ратлидж сам упомянул о ней. Но тот молчал. Потому что сбросил ее со счетов? Было бы чересчур надеяться на такое! Более вероятно, что инспектор хотел подловить сержанта, когда представится шанс. Но Дейвис знал, что об этом необходимо заявить, хочется ему или нет. Нельзя притворяться, будто это не существовало...

Он прочистил горло.

– Есть еще кое-что, сэр, хотя я не знаю, насколько это важно. Вам, конечно, говорили об этом в Лондоне?

Сержант уставился на Ратлиджа, ожидая признания, что тот все знает и что ему незачем вдаваться в подробности, но увидел только нетерпение на лице инспектора, свернувшего салфетку и аккуратно положившего ее рядом с тарелкой.

– Возможный свидетель, сэр. Он заявляет, что видел полковника в понедельник утром. – Нет, инспектор ничего не знал. Трудно поверить, но по какой-то причине ему об этом не сказали. – В переулке, который разделяет поле Семи Братьев и фруктовый сад. И он видел капитана Уилтона, стоящего рядом с лошастью, держа ее за повод, и разговаривающего с полковником, который качал головой, как если бы ему не нравилось услышанное. Должно быть, это было около половины восьмого, может, без четверти восемь. Потом капитан шагнул назад с красным лицом, а полковник уехал, оставив его стоять там, сжав кулаки.

Ратлидж молча выругал Лондон за бестолковость. Он снова достал записную книжку и резко осведомился:

– Насколько далеко это место от того, где полковника нашли мертвым? И почему вы не упоминали об этом свидетеле раньше?

Сержант покраснел.

– Что касается расстояния, сэр, то это милях в двух к востоку по лугу, – сухо отозвался он. – И я был уверен, что вас уведомили об этом в Лондоне. Понимаете, проблема в том, что свидетель ненадежен. Он был пьян. В эти дни с ним такое часто бывает.

– Даже закоренелый пьяница может говорить правду. – Ратлидж добавил еще одну строку и поднял взгляд. – Мы не можем игнорировать его слова только на этом основании.

– Нет, сэр. Но здесь не только это. Он... ну, он контуженный, часто не знает, где находится, думает, что все еще на фронте, слышит голоса и тому подобное. Струсил на Сомме и с тех пор словно сам не свой. Отсутствие моральной стойкости – вот что это такое. Стыдно, если такой прекрасный человек, как капитан, попадет под подозрение на основании слов жалкого труса вроде Дэниела Хикема, не так ли, сэр?

Значит, Лондон, точнее, Боулс промолчал...

Где-то далеко, за водоворотом собственных мыслей, Ратлидж слышал дикий смех Хэмиша.

Глава 2

Не поняв напряженного выражения лица Ратлиджа, сержант Дейвис сочувственно кивнул:

– Знаю, это нелегко проглотить. Вы были на войне? Мой младший брат воевал на Балканах, потерял обе руки и принял это как мужчина. В Томми нет ни капли слабости. – Говоря это, сержант словно отвлекал себя от того, что должен сказать. – Конечно, сначала мы не знали о Хикеме – я просто наткнулся на него тем же утром, спящего под деревом в переулке. Когда я попытался разбудить его и отправить домой, он поклялся, что трезв как стеклышко, и посоветовал мне спросить полковника или капитана, которые поручатся за него. Я подумал, что он имеет в виду вообще.

Чашка выпала из его пальцев, звякнула о сахарницу и едва не опрокинула кувшин со сливками. Дейвис поймал ее, вернул на блюдце и продолжал, стараясь скрыть чувство вины:

– Вначале я не обратил на него внимания, потому что торопился найти инспектора Форреста и сообщить ему об убийстве, но жилище Хикема находилось по пути в Аппер-Стритем, и он был не в состоянии идти туда сам. К тому времени, когда я добрался до места, слушая его болтовню, все стало выглядеть иначе, чем я подумал сначала. Поэтому инспектор Форрест пошел поговорить с ним после полудня и услышал версию, от которой мы не могли отмахнуться. Правильная она или нет, мы должны были обратить на нее внимание, верно?

Это был призыв к прощению – признание ответственности за то, что поставило Уорикшир и Лондон в теперешнее затруднительное положение. Если бы он не остановился, никто бы и не подумал расспрашивать Хикема о полковнике или капитане. Для этого просто не было бы причин.

Ратлидж, все еще стараясь обрести самоконтроль, умудрился говорить спокойно, но слова получились резкими и холодными, без всякого сочувствия к проблеме сержанта Дейвиса.

– Что говорит капитан Уилтон о рассказе Хикема?

– Он говорит, что не был в переулке тем утром. По его словам, он видел Хикема время от времени по утрам, шатающегося, бредущего домой, спящего где попало или несущего свою околесицу, но не в том случае.

– Это не означает, что Хикем не видел его.

Сержант Дейвис пришел в ужас:

– Вы утверждаете, что капитан лжет, сэр?

– Люди лгут, сержант, даже те, кто заслужил крест Виктории. Кроме того, описание Хикема выглядит странно полным, не так ли? Капитан держал повод лошади полковника, лицо его было красным, и он шагнул назад со сжатыми кулаками. Если это случилось не в то утро, если Хикем видел этих двоих в другой день, это могло означать, что ссора накануне убийства коренилась в более ранней конфронтации. Что между полковником и женихом его подопечной было больше вражды, чем мы знаем сейчас.

На лице сержанта отразилось сомнение.

– Даже если так, Хикем мог неправильно понять увиденное. Что, если эти двое вовсе не ссорились? Что, если они сердились на кого-то еще или на что-то, что не нравилось им обоим?

– Тогда почему Уилтон отрицает, что встретил Харриса в переулке, если эта встреча имеет невинное объяснение? Нет, думаю, что тут вы на неверном пути.

– Ну, что, если Хикем спутал увиденное с чем-то, происшедшим на фронте? Ему не по душе офицеры – он мог даже выдумать это нарочно. Нельзя быть уверенным, не так ли? Хикем способен на все! – Отвращение на лице Дейвиса было почти осязаемым.

– Я не могу ответить на это, пока не поговорю с Хикемом и капитаном.

Смех Хэмиша умолк, и Ратлидж вновь был в состоянии мыслить ясно. Но его сердце все еще колотилось.

– Значит, мы начнем с них? Вместо мисс Вуд?

– Нет, сначала я хочу увидеть дом полковника и его подопечную.

Правда заключалась в том, что Ратлидж не был готов смотреть в лицо Хикему. Пока он не будет уверен, что сможет это сделать, не выдав себя. Кто-нибудь догадывался в Лондоне? Нет, конечно нет! Это было случайное совпадение – в Англии полным-полно контуженных ветеранов...

Ратлидж поднялся.

– Моя машина на заднем дворе. Встречу вас там через пять минут. – Он кивнул Бартону Редферну, выходя из столовой.

Молодой человек наблюдал за двоими полицейскими. Шаги Ратлиджа по покрытой ковром лестнице были едва слышны, в то время как тяжелые кожаные каблуки сержанта громко стучали по каменному полу коридора, ведущего во двор гостиницы.

* * *

Наверху в своей комнате Ратлидж стоял, опершись ладонями о низкий подоконник и глядя вниз на оживленную улицу. Он все еще был потрясен. Только полдюжины людей знали о его состоянии, и врачи обещали ничего не сообщать в Ярд, дав ему год, чтобы прийти в себя. Вопрос в том, промолчал ли Боулс о Хикеме потому, что не думал, будто это имеет значение? Или именно потому, что знал, что это могло смутить Ратлиджа?

Нет, невозможно. Либо это оплошность, либо Боулс пытался сделать расследование убийства более увлекательным, чем оно было в действительности. Доброта?.. Ратлидж помнил Боулса до войны, хорошего работника, но безжалостно-амбициозного и холодного. Сержант Флетчер, который погиб при первой газовой атаке под Ипром, утверждал, что Боулс запугиванием вынуждает обвиняемых признаться.

– Я видел, как они дрожат и боятся старину Боулса больше, чем палача! Мне никогда не нравилось иметь с ним дело. Он честно выполняет свою работу, но использует любое оружие, которое есть под рукой...

Значит, Боулсу едва ли стоит приписывать доброту.

Однако Лондон сейчас не имел значения.

Потому что вдалеке от наблюдательных глаз Дейвиса и Редферна Ратлидж мог мыслить более ясно и разглядеть весьма замысловатую проблему. Что, если Хикем окажется прав?

Предположим, дело дойдет до ареста, хотя сейчас еще недостаточно улики, чтобы заглядывать так далеко вперед. Сможет ли Корона идти в суд с Дэниелом Хикемом в качестве главного свидетеля против человека, носящего ленту креста Виктории? Это выглядело бы нелепо – защита разнесла бы дело в пух и прах. Уорикшир жаждал бы крови Ярда, а Ярд – крови Ратлиджа.

Он хотел достаточно сложного расследования, чтобы отвлечься от собственных проблем. Ну, похоже, его желание исполнилось. Оставался вопрос: готов ли он к этому? Не слишком ли заржавели его навыки, чтобы иметь дело с чем-то настолько сложным, как убийство Харриса? И хуже того, нет ли здесь личного интереса? Если так, он должен немедленно позвонить в Ярд и попросить прислать замену.

Но это потребовало бы объяснений, извинений, лжи. Или правды.

Ратлидж выпрямился, отвернулся от окна и потянулся за своим плащом. Если он откажется теперь, с ним будет покончено. Профессионально и эмоционально. Это вопрос не выбора, а выживания. Он должен сделать все возможное, а если этого окажется недостаточно,

найти смелость признать поражение. А пока нужно точно выяснить, на каком свете он находится и из чего сделан.

Слова «трус» и «слабак» больно жалили. Но его душу терзало то, что он не сказал ни единого слова в защиту Хикема. Предавая Хикема, он чувствовал, что предает себя.

Ратлидж и сержант Дейвис прибыли в «Мальвы», ухоженное поместье полковника, через полчаса. Небо стало лазурно-голубым, а воздух чистым и напоенным ароматами.

Машина свернула в железные ворота и двинулась по подъездной аллее. Полностью скрытый старыми деревьями дом не появлялся, пока они не сделали два поворота и не выехали из тени на солнце. Кирпич и высокие окна отражали ранний утренний свет. Широкая лужайка была безукоризненно скошена, подчеркивая красоту цветочных клумб. Один взгляд давал понять, что содержание дома диктовалось не только гордостью, но и любовью.

Ратлидж понимал, что этот грациозный фасад создала рука мастера. Каменные карнизы окон подчеркивали элегантную простоту, к которой стремился архитектор. Ратлидж поинтересовался, кто им был, ибо дом представлял собой истинную драгоценность.

Но Дейвис не мог ему ответить.

– Полковник рассказал бы вам и, если бы не был слишком занят, показал бы старые чертежи. Он не кичился своим званием – знал свое место и доверял тем, кто знал свое.

Выйдя из машины, Ратлидж посмотрел на окна наверху. Уголкем глаза он поймал движение тяжелой портьеры. Во Франции, где жизнь часто зависела от быстроты рефлексов, пришлось научиться видеть врага первым, чтобы сохранить жизнь.

На широкой деревянной двери уже висел тяжелый черный венок – ветерок слегка шевелил его ленты. Дворецкий ответил на звонок. Это был худой мужчина среднего роста, лет за пятьдесят – его лицо искажало горе, словно он оплакивал полковника, как родного. Дворецкий сообщил Ратлиджу и сержанту Дейвису тоном вежливого сожаления, что мисс Вуд сегодня никого не принимает.

– Как вас зовут? – спросил Ратлидж.

– Джонстон, сэр.

– Можете передать вашей хозяйке, Джонстон, что прибыл инспектор Ратлидж по полицейскому делу. Думаю, сержанта Дейвиса вы знаете.

– Мисс Вуд все еще неважно себя чувствует, инспектор. – Дворецкий бросил обвиняющий взгляд на Дейвиса, словно порицая его за неподобающую настойчивость Ратлиджа. – Ее врач уже информировал инспектора Форреста...

– Да, понимаю. Мы не станем беспокоить ее больше, чем необходимо. – Голос звучал твердо. Это был голос армейского офицера, отдающего приказы, а никак не простого полицейского, просящего об услуге.

– Я выясню, – ответил дворецкий с вежливым неодобрением.

Он оставил незваных гостей в холле перед красивой лестницей, которая разделялась на площадке второго этажа и следовала далее двумя грациозными изгибами, встречающимися снова на третьем этаже. Выше, на потолке, было панно с нимфами, облаками и Венерой посредине. Из холла она выглядела плавающей в заоблачной роскоши, далеко от простых смертных. Ее улыбка казалась одновременно искушающей и самодовольной.

Джонстон отсутствовал минут пятнадцать.

Хэмиш беспокойно произнес: «Я никогда не бывал в таком доме. Посмотри на пол, приятель, – он из мраморных плиток, которыми можно было бы вымостить все улицы в моей деревне. А эта лестница – что поддерживает ее? Это чудо стоит одного или двух убийств!»

Ратлидж игнорировал его, как и необычную чопорность сержанта Дейвиса, который, казалось, с каждой минутой все более деревенел.

Вернулся дворецкий и сказал с плохо скрытым порицанием:

– Мисс Вуд примет вас в ее гостиной, но она просит, чтобы вы сделали ваш визит по возможности кратким.

Ратлидж в сопровождении сержанта Дейвиса направился по лестнице на второй этаж, свернул налево в широкий, выложенный ковром коридор и подошел к двери в его конце. Комната за ней была просторной и, наверное, очень светлой из-за высоких окон, выходящих на подъездную аллею. Но сейчас тяжелые розовые портьеры были задернуты – не их ли Ратлидж видел шевелящимися? – и только одна лампа на инкрустированном столе предпринимала слабые усилия рассеять мрак.

Леттис Вуд, высокая, стройная, с густыми темными волосами, заколотыми сзади, была в черном. Ее юбка слегка зашуршала, когда она повернулась навстречу посетителям.

– Инспектор Ратлидж? – спросила Леттис, как будто не могла отличить сержанта из Аппер-Стритема от представителя Скотленд-Ярда.

Она не предложила им сесть, хотя сама сидела на парчовой кушетке, лицом к камину, по обеим сторонам которого стояли зачехленные кресла. Письменный стол XVII века находился между двумя окнами, а у одной из стен высился шкаф розового дерева, наполненный коллекцией старинного серебра, отражающего свет единственной лампы. Сержант Дейвис, оставшийся у двери, начал рыться в карманах в поисках записной книжки.

Некоторое время человек из Лондона и девушка в трауре молча, оценивающе смотрели друг на друга. Свет лампы достигал лица Ратлиджа, лицо девушки оставалось в тени. Ее голос, когда она заговорила, был хриплым и напряженным, словно она плакала долгие часы. Ее горе было искренним – и все же что-то беспокоило инспектора. Сумрак скрывал то, чего ему не хотелось опознавать.

– Простите за вторжение, мисс Вуд, – заговорил он с чопорной формальностью. – Я выражаю вам наше глубочайшее сочувствие. Но я уверен, что вы понимаете необходимость найти того или тех, кто ответствен за смерть вашего опекуна.

– Моего опекуна. – Леттис произнесла это без всякого выражения и добавила с неожиданной горячностью: – Не представляю себе, как могли сделать с ним такое. И почему? Бессмысленно, дико... – Она оборвала фразу и судорожно глотнула, сдерживая слезы гнева. – Это не имело никакого смысла.

– Что именно? – спокойно спросил Ратлидж. – Его смерть? Или ее способ?

Леттис, казалось, была потрясена тем, что он читает ее мысли.

Она слегка подалась вперед, и Ратлидж смог разглядеть ее лицо, покрасневшее от слез и бессонницы. Вздернутый нос, чувственный рот, глаза с тяжелыми веками. Он не мог определить их цвет, но они не были темными. Четкие скулы, решительный подбородок, длинная тонкая шея. Ее черты все вместе создавали странное впечатление теплой чувственности. Ратлидж вспомнил, как сержант поколебался, прежде чем произнести слово «привлекательная», словно сомневаясь, достаточно ли оно точное. Она не была красивой в обычном смысле слова, скорее притягательной.

– Не понимаю, как вы можете разделять их, – после паузы ответила девушка, сжимая тонкими пальцами носовой платок с черной каймой. – Он ведь не был просто убит, не так ли? Его уничтожили, стерли с лица земли. Это было намеренно, мстительно. Даже Скотленд-Ярд не может этого изменить. Но человек, который сделал это, будет повешен. Это единственное утешение, которое мне осталось. – Когда она говорила о повешении, в ее голосе появились глубокие нотки, как будто она с наслаждением представляла себе эту картину.

– Тогда, возможно, мы должны начать с утра прошлого понедельника. Вы видели вашего опекуна, прежде чем он ушел из дому?

– Я не ездила верхом в то утро, – поколебавшись, ответила Леттис.

Прежде чем Ратлидж успел оценить этот ответ, она добавила:

– Чарлз любил «Мальвы», любил землю. Он говорил, что эти поездки хоть немного компенсируют ему месяцы, проведенные вдали. Поэтому он обычно выезжал один и маршрут мог быть разным: Чарлз обследовал урожай, крыши арендаторов, состояние изгороди или скота. Это был способ исцеления от того, через что ему пришлось пройти.

– Сколько людей знали, куда он поедет?

– Маршрут не был записан – он был у него в голове. Лоренс Ройстон мог знать, что Чарлз планирует заняться какой-то проблемой, если они обсуждали ее. Но большей частью он руководствовался собственными интересами. Вряд ли вы были солдатом, инспектор, но Чарлз однажды сказал, что величайшим преступлением войны было разрушение французской сельской местности для целого поколения. Не гибель армий, а гибель земли. – Она откинулась назад в тень.

«Я не ездила верхом в то утро...»

Ратлидж обдумывал эти слова, игнорируя остальное. Казалось, этот факт отделял ее полностью от происшедшего. Но в каком смысле? Он слышал, что солдаты выдвигают тот же самый предлог, избегая обсуждения того, что они видели на поле битвы: «Я не участвовал в этой атаке». Мол, не знаю и знать не хочу...

Значит, отрицание. Но было ли это умыванием рук или способом высказать правду, хотя и не полную?

Лицо Леттис было спокойным, но она наблюдала за ним, ожидая в безопасности полумрака следующего вопроса. Горе ее казалось подлинным, и все же она отказывалась помочь ему. Он чувствовал ее сопротивление, как физический барьер, как если бы они были противниками, а не объединились для охоты на убийцу.

Она, в свою очередь, молча считала удары сердца, вгоняя его в спокойный ритм, чтобы дыхание не выдало ее. Она не собиралась обнаруживать свое личное, затаенное перед этим лондонским незнакомцем с холодными, анализирующими, бесстрастными глазами! Пускай выполняет работу, для которой его прислали. Но почему это длится так долго? Чарлза не стало всего три дня назад!

Молчание затягивалось. Сержант Дейвис откашлялся. Его смущали подводные течения, которые он не в силах был понять. Ибо эти течения и эмоции были такими сильными, что казалось, материализуются в тени. Даже Хэмиш молчал.

Резко изменив тактику, Ратлидж спросил:

– Что ваш жених, капитан Уилтон, и ваш опекун обсуждали после обеда в субботу, накануне смерти полковника?

Взгляд девушки стал настороженным. Тяжелые веки на момент приподнялись.

– Уверена, вы говорили об этом с Марком, – отозвалась она.

– Я предпочел бы услышать, что скажете вы. Насколько я понимаю, это привело к ссоре?

– К ссоре? – Ее голос стал резким. – После обеда я пошла наверх. Я... неважно себя чувствовала. Чарлз и Марк были в гостинной, когда я оставила их. Они говорили об одном из гостей, приглашенных на свадьбу. Оба не любили этого человека, но чувствовали, что должны включить его в список. Это офицер, с которым они служили, – мой опекун в бурской войне, а Марк во Франции. Не могу себе представить, чтобы они из-за этого поссорились.

– Все же слуги сказали инспектору Форресту, что они обменялись сердитыми словами, что капитан Уилтон выбежал из дома в гневе, а полковник Харрис в дверь, которая захлопнулась за ним, бросил стакан из-под вина.

Леттис оставалась неподвижной. Даже пальцы ее перестали теревить платок. У Ратлиджа внезапно сложилось впечатление, что это было новостью для нее, что она не была осведомлена о происшедшем. Но она всего лишь промолвила:

– Если слуги так много слышали, они могли бы рассказать вам, в чем было дело.

– К сожалению, они были свидетелями только конца ссоры.

– Понятно.

Как будто отвлеченная какой-то мыслью, девушка умолкла, а Ратлидж ждал, пытаясь определить, что творится за ее длинными ресницами. Потом она встряхнулась и повторила:

– Действительно, к сожалению. Все же вы должны знать, что ни Чарлз, ни Марк не были вспыльчивыми людьми.

– Едва ли я могу охарактеризовать хлопанье дверью в гневе и швыряние в нее стакана как хладнокровие. Но в свое время мы получим на это ответ.

Ратлидж с интересом отметил, что Леттис не бросилась на защиту капитана Уилтона, хотя имела такую возможность. И конечно же она должна была осознавать, куда ведут эти вопросы. Но она сбросила это со счетов или проигнорировала? Привыкший к эмоциональным ответам, Ратлидж был озадачен ее уклончивостью, но не знал, ее это вина или его.

– Вы верите, что этот человек, Мейверс, мог убить полковника? Очевидно, он несколько лет досаждал вашему опекуну.

Леттис моргнула.

– Мейверс? Он всю жизнь был смутьяном. Сеял раздоры просто ради удовольствия. – Посмотрев на сержанта Дейвиса, она добавила: – Но убивать? Рисковать своей шеей? Не могу представить, чтобы он зашел так далеко. Если, конечно, он этого не хотел.

– В каком смысле?

– Мейверс мог быть всем – от совестливого протестующего до неистового большевика, – лишь бы возбуждать и сердить людей. Но все более-менее привыкли к его выходкам. Иногда я даже забываю о его присутствии. Лоренс – мистер Ройстон – всегда говорил, что это лучший способ убрать ветер из его парусов. Но Чарлз чувствовал, что это могло отбросить Мейверса за грань, что он больше всего боялся быть игнорируемым. Кто знает, что он мог тогда натворить? Чарлз разбирался в людях. Он знал Мейверса лучше всех нас. Все же на вашем месте я бы с осторожностью относилась к любым признаниям Мейверса, если они не подкреплены неопровержимыми доказательствами.

Это замечание также озадачило Ратлиджа. Потерпевшей только что предложили готового козла отпущения, но она отвергла его. Если она пыталась изменить направление следствия, то делала это с почти блестящей изощренностью. Дейвис, находящийся вне поля ее зрения, кивал, словно соглашаясь с ней насчет Мейверса-убийцы, хотя она не сказала ничего подобного.

И все-таки, если ей не пришло в голову, что капитан нуждается в защите, почему вопрос о ссоре так насторожил ее? Возможно, Харрис был виноват, и она пыталась сохранить его доброе имя и репутацию? Ратлидж двинулся к камину в надежде, что изменение ракурса поможет ему лучше видеть Леттис. Но ее лицо все равно оставалось скрытым, и он мог прочесть ее мысли с таким же успехом, как выгравированную надпись на чаше у ее локтя.

– Знаете ли вы еще кого-нибудь, кто мог бы желать смерти вашему опекуну?

– У Чарлза не было врагов. – Леттис вздохнула. – Если вы верите сплетням, то кое-кто мог бы желать смерти Марку. Но Чарлзу? Он не пробыл здесь достаточно долго, чтобы обзавестись врагами. Он был военным, а отпуск – редкая вещь, время для передышки, а не для склок.

– Ни споров о земле и о границах, никаких мозолей, на которые он мог наступить кому-либо в графстве?

– Я не слышала о таком. Но спросите Лоренса Ройстона, его управляющего. Он может рассказать вам о поместье и о том, были ли какие-нибудь вокруг него споры. Тут я не в силах вам помочь. Я приехала сюда жить к концу войны, когда окончила школу. До того мне разрешалось приезжать только на каникулы, когда Чарлз был в отпуске. В другое время я ездила домой с одной из моих одноклассниц.

Расспрашивать ее было все равно что фехтовать с блуждающим огоньком. «Я не знаю. Тут я не могу вам помочь. Я не ездила верхом в то утро...» И все же Ратлидж поверил ей, когда она сказала, что повешение убийцы утешило бы ее. По его опыту, шок от внезапной

насильственной смерти часто возбуждал гнев и жажду мщения. Но эта единственная живая реакция не объясняла, почему девушка все время ускользает от него.

Сержант Дейвис, свидетель разговора, переминался с ноги на ногу, тем самым напоминая Ратлиджу о своем присутствии. Этот человек жил в Аппер-Стритеме, вероятно, имел жену и друзей. Сам Ратлидж был замкнутым человеком и отлично понимал тягу других к приватности. Если так, то он сейчас зря тратил время.

– Как вы провели то утро? Прежде чем новость дошла до вас?

Леттис нахмурилась, пытаясь вспомнить, как если бы это было не дни, а годы назад.

– Я приняла ванну, оделась и спустилась к завтраку, как обычно. Потом я должна была написать несколько писем и вышла из библиотеки узнать, сможет ли мистер Ройстон отвезти их для меня в Уорик, и тут... – Она оборвала фразу и добавила резким голосом: – Я действительно не помню, что произошло после этого.

– Вы не покидали дом, не ходили в конюшню?

– Конечно нет. Чего ради я стала бы говорить вам, что делала одно, в то время как делала другое?

Ратлидж вскоре откланялся. Дейвис, казалось, с облегчением спускался по лестнице следом за дворецким, проявляя почти недостойную поспешность.

Ратлидж ощущал неудовлетворенность, как если бы его ловко перехитрили в той полутемной комнате. Обдумывая, что сказала Леттис Вуд, он не мог найти никакой особой причины не верить ее словам, но сомнение не отступало. Ей не могло быть больше двадцати двух лет, и все же она проявила необычное для своего возраста самообладание. И ему не удалось пробиться сквозь ее броню к тем эмоциям и словам, которые он хотел услышать, но которые она умудрилась сдержать.

Отстраненность девушки беспокоила Ратлиджа. Как будто она не связывала реальность насильственной смерти с вопросами, которые задавала ей полиция. Никакой страстной защиты жениха, никакого стремления заслонить его Мейверсом, вообще никаких предположений об убийце.

Интуиция, которая так хорошо служила Ратлиджу в прошлом, пыталась сказать, что девушка уже знала, кто убийца, и планировала собственную личную месть... «Не представляю себе, как могли сделать с ним такое», – сказала она. Не «кто», а «как».

Достигнув подножия лестницы, Ратлидж вспомнил кое-что еще. Сержант Дейвис и дворецкий упоминали врача. Не дали ли девушке успокоительное, которое погрузило ее в это сомнамбулическое состояние, отгораживающее от горя и реальности? В больнице он видел людей, говоривших о невыразимых ужасах, вызванных наркотиками, которые подавила только сильная доза успокоительного.

Сам Ратлидж признавался о присутствии Хэмиша только под влиянием таких наркотиков. Ничто еще не могло бы вытянуть это из него, и впоследствии он пытался убить врача за обман.

В таком случае было бы неплохо поговорить с семейным доктором, прежде чем решить, что делать с Леттис Вуд.

Когда дворецкий подвел их к двери, Ратлидж повернулся к нему и спросил:

– Ваше имя Джонстон?

– Да, сэр.

– Не могли бы вы показать мне гостиную, где произошла ссора между капитаном и полковником?

Джонстон повернулся и молча двинулся по полированному мрамору к двери слева. За ней находилась комната в холодных зелено-золотых тонах, утопающая в утреннем свете.

– Мисс Вуд велела принести кофе сюда после обеда, и, когда джентльмены присоединились к ней, она отпустила меня. Вскоре она поднялась наверх, послала за одной из горничных и сказала, что у нее головная боль и ей нужна холодная салфетка на лоб. Это было около девяти – возможно, в четверть десятого. В это время я пришел сюда забрать кофейный поднос и посмотреть, не нужно ли чего еще, прежде чем я запру дом на ночь.

– И вы не были внутри или около гостиной между тем, как принесли поднос и пришли забрать его?

– Нет, сэр.

– Что случилось потом? В четверть десятого?

Джонстон шагнул назад в холл, указал на дверь в тени лестницы и нехотя продолжил:

– Я вышел из этой двери – она ведет в заднюю часть дома – и направился к гостиной. В этот момент Мэри спускалась по лестнице.

– Кто такая Мэри?

– В штате прислуги семь человек, сэр. Я, кухарка, ее помощница и четыре горничные. Перед войной нас было двенадцать, включая лакеев. Мэри – одна из горничных, которая пробыла здесь дольше всех, кроме миссис Тричер и меня.

– Продолжайте.

– Мэри спускалась по лестнице и сказала, когда я появился, что она хочет посмотреть, надо ли утром полировать перила и мраморный пол. Если нет, она собиралась поручить Нэнси отполировать решетки – теперь мы по утрам не разводим огонь в каминах.

– И?..

– И в этот момент дверь гостиной открылась и оттуда вышел капитан. Я не видел его лицо – он смотрел через плечо в комнату, – но слышал, как он очень четко и громко произнес: «Сначала я увижу вас в аду!» Потом он захлопнул дверь гостиной и вышел через парадную дверь, захлопнув ее тоже. Не думаю, что он видел меня или Мэри. – Казалось, у Джонстона истошились слова.

– Заканчивайте вашу историю, приятель! – нетерпеливо сказал Ратлидж.

– Прежде чем парадная дверь захлопнулась, я услышал, как полковник крикнул: «Это можно устроить!», и звук стекла о дверь.

Дворецкий указал на свежую вмятину в лакированной панели, куда стакан ударился с такой силой, что его кусок, должно быть, застрял в дереве.

– Вы думаете, капитан Уилтон слышал полковника?

Джонстон невольно улыбнулся:

– Полковник, сэр, привык, чтобы его слышали на плац-параде и поле битвы. Думаю, капитан слышал его так же четко, как я, поэтому-то он и хлопнул парадной дверью.

– Разбился стакан, а не чашка?

– Полковник обычно выпивал стакан бренди вместе с кофе, и капитан всегда присоединялся к нему.

– Когда вы убрали эту комнату следующим утром, вы обнаружили, что были использованы два стакана?

– Да, сэр, – озадаченно ответил Джонстон. – Конечно.

– Это означает, что двое мужчин тем вечером выпивали вместе и пребывали в дружеских отношениях?

– Я бы сказал да, сэр.

– Вы когда-нибудь слышали ссоры между ними до того вечера?

– Нет, сэр, они были в наилучших отношениях.

– По-вашему, они выпили достаточно, чтобы поссориться без всякой причины? Или из-за какого-то пустяка?

– При всем уважении, сэр, – с возмущением заявил Джонстон, – полковник не становился спорщиком под влиянием выпивки. Он пил как джентльмен, и капитан, насколько я знаю, тоже. Кроме того, – добавил дворецкий, несколько снизив впечатление от сказанного, – в графине бренди было всего на две порции – по одной каждому.

– Наблюдая за уходом капитана, вы не чувствовали, что эти разногласия могли быть спокойно улажены на следующий день?

– Тогда он был очень сердит. Не могу сказать, поменялось ли его настроение на следующий день. Но полковник не казался возбужденным, когда спустился к утренней поездке. Насколько я мог видеть, он был вполне самим собой.

– А мисс Вуд была в своей спальне во время ссоры? Она не присоединялась к мужчинам?

– Нет, сэр. Мэри заглянула к ней посмотреть, не нужно ли чего, и решила, что мисс Вуд спит. Поэтому она не заговорила с ней.

– Что делал полковник после ухода капитана?

– Не знаю, сэр. Я думал, что в тот момент лучше его не беспокоить, и вернулся через двадцать минут. К тому времени он уже пошел спать, а я занялся вечерними делами, прежде чем уйти в одиннадцать. Вы хотели бы сейчас повидать Мэри, сэр?

– Я поговорю с Мэри и другой прислугой позже, – ответил Ратлидж и направился к двери. Там он повернулся, чтобы посмотреть на гостиную и лестницу. При обычных обстоятельствах Уилтон заметил бы Джонстона и горничную. Но если он смотрел на Чарлза Харриса, то мог и не увидеть молчаливо стоящих слуг.

Кивнув, Ратлидж открыл парадную дверь, прежде чем Джонсон успел подбежать к ней, чтобы проводить его, и с сержантом Дейвисом, спешившим следом, спустился по широкой каменной лестнице к подъездной аллее, где стоял автомобиль.

Хэмиш раздраженно проворчал: «Мне не нравится дворецкий. Я вообще не люблю богатей и их приживальщиков».

– Это лучшая работа, чем любая, которая когда-либо была у тебя, – отозвался Ратлидж и выругался сквозь зубы.

Дейвис, садясь в машину, слышал только его голос, а не слова. Он поднял взгляд и сказал:

– Прошу прощения, сэр?

Тяжелые портьеры гостиной наверху слегка раздвинулись. Леттис Вуд наблюдала, как Ратлидж садится в машину и заводит мотор. Когда машина скрылась из поля зрения, она отпустила бархатную занавесь и бесцельно побрела к столу, где все еще горела лампа. Она выключила ее и осталась стоять в темноте.

Если бы только она могла мыслить ясно! Леттис не сомневалась, что Ратлидж вернется, чтобы во все совать свой нос, узнать побольше о Чарлзе, расспросить о Марке. Он не походил на пожилого Форреста – в его холодных глазах не было почтительности или отеческой заботы. Ей придется собраться с мыслями. Проблема состояла в том, что им скажет Марк. Как она могла узнать об этом?

Девушка прижала к вискам холодные пальцы. Этот инспектор из Скотленд-Ярда выглядел больным. А с такими людьми нелегко иметь дело. Почему Форрест послал за ним? Почему понадобилось вовлекать Лондон в это дело? Почему не предоставили вести расследование инспектору Форресту?

– Теперь мы поговорим с Мейверсом, сэр?

– Нет, думаю, следующим будет капитан Уилтон.

– Он остановился у своей кухни, миссис Давенант. Она вдова, у нее дом на окраине города – в противоположном конце Аппер-Стритема.

Дейвис указал Ратлиджу дорогу и начал изучать свою записную книжку, чтобы убедиться, что зафиксировал важные пункты бесед с Леттис Вуд и Джонстоном.

– Мне казалось, – продолжал тем временем Ратлидж, – будто слуги говорили, что спор между полковником и капитаном касался свадьбы. Джонстон ничего не сказал об этом.

– Об этом упомянула горничная, Мэри Саттертуэйт, сэр.

– Тогда почему вы не вспомнили об этом, когда мы были там? Я бы немедленно поговорил с ней.

Дейвис перевернул страницы записной книжки ближе к началу.

– Мэри сказала, что поднялась в комнату мисс Вуд с холодной салфеткой, и мисс Вуд говорила ей, что оставила джентльменов обсуждать свадьбу. Но Мэри, судя по тону мисс Вуд, решила, что обсуждение едва ли будет дружеским.

– И тогда, видя конец ссоры, горничная пришла к выводу, что они говорили о свадьбе?

– Очевидно, сэр.

Что отнюдь не являлось доказательством.

– А когда свадьба?

Дейвис перевернул еще несколько страниц.

– 22 сентября, сэр. Мисс Вуд и капитан помолвлены семь месяцев.

Ратлидж задумался. За час времени – с того момента, когда Леттис Вуд оставила мужчин вдвоем, и до того, как Джонстон увидел Уилтона, выбегающего из дома, – тема разговора могла круто измениться. Если свадьба обсуждалась в четверть десятого, разговор не мог продолжаться час и привести к ссоре – детали были выработаны семь месяцев назад и приготовления к торжеству шли полным ходом...

Ратлидж подумал о Джин, об их собственной помолвке жарким летом 1914 года – казалось, целую вечность назад. О бесконечных письмах во Францию и оттуда про их мечты. Об острой тоске, которая помогала ему выжить, когда больше ничего не имело значения. О свадьбе, которая так и не состоялась...

О бледном лице Джин в больничной палате, когда он предложил ей разорвать помолвку. Она нервно улыбнулась и согласилась, пробормотав, что война изменила их обоих. Когда он сидел там, все еще изнывая от любви и пытаясь скрыть это от нее, она сказала: «Я не та девушка, которую ты помнишь по четырнадцатому году. Я безумно любила тебя. Но прошло слишком много времени, слишком много случилось с нами обоими – мы так долго были в разлуке... Я больше не знаю даже саму себя. Конечно, я все еще привязана к тебе, но не думаю, что сейчас было бы справедливо выходить замуж за кого бы то ни было...»

Все же, несмотря на спокойный голос и скупую подобранную слова с целью избавить обоих от боли, он видел правду в ее глазах.

Это был страх.

Она смертельно боялась его...

Глава 3

Миссис Давенант жила в георгианском кирпичном доме, стоящем в стороне от дороги. Он был окружен увитой плющом стеной с узорчатыми железными воротами и очаровательным садом с ранними цветами. Розы и дельфиниумы нависали над узкой кирпичной дорожкой, отяжелев от ночного дождя и оставляя пятна сырости на брюках Ратлиджа, когда он пробирался мимо них к двери.

К его удивлению, миссис Давенант ответила на звонок сама. Это была стройная грациозная женщина лет за тридцать – у нее была пышная светлая челка и пучок на затылке. Гладкая кожа напоминала хрупкий дорогой фарфор. Глаза у нее были синие, с темными ресницами, отчего казались почти фиолетовыми.

Она кивнула сержанту Дейвису и затем обратилась к Ратлиджу:

– Вы, должно быть, человек из Лондона. – Проницательный взгляд изучал лицо, рост и одежду незнакомца.

– Инспектор Ратлидж. Я бы хотел, если можно, поговорить с вами и с капитаном Уилтоном.

– Марк пошел прогуляться. Вряд ли он хорошо спал прошлой ночью, а прогулка всегда успокаивает его. Пожалуйста, входите.

Женщина провела их не в гостиную, а в дальнюю комфортабельную комнату, где все еще ощущалась мужская атмосфера. Должно быть, это было любимое место в доме ее покойного мужа. Картины с изображением сцен охоты висели над камином и на двух стенах, а застекленный шкаф с коллекцией трубок стоял под маленьким, но весьма изысканным Каналетто.

– Ужасное дело, – сказала миссис Давенант, когда Ратлидж сел на предложенный ему стул. Сержант Дейвис отошел к камину, как если бы приглашение сесть не относилось к нему. Женщина приняла это без комментариев. – Просто ужасное! Не могу себе представить, чтобы кто-нибудь захотел убить Чарлза Харриса. Он был на редкость приятным человеком. – Ее слова звучали искренне.

Пожилая женщина в черном платье и белом фартуке подошла к открытой двери, и, увидев ее, миссис Давенант спросила:

– Хотите кофе, инспектор? Сержант? – Когда они отказались, она кивнула женщине и сказала: – Тогда это все, Грейс. И пожалуйста, закройте дверь.

Когда женщина ушла, Ратлидж осведомился:

– Ваши слуги живут с вами, миссис Давенант?

– Нет, Агнес и Грейс приходят ежедневно убирать и готовить еду. Сейчас Агнес нет – ее внучка очень больна. Бен мой конюх и садовник. Он живет над конюшней. – Она вопросительно подняла брови, как бы ожидая, что Ратлидж объяснит свой интерес к ее прислуге.

– Не могли бы вы рассказать мне, в каком настроении был капитан Уилтон, когда он пришел из «Мальвы» вечером, накануне убийства полковника?

– В каком настроении? – повторила миссис Давенант. – Не знаю, я уже пошла спать. Когда он обедал с Леттис и полковником, я не ждала его.

– Тогда следующим утром?

– За завтраком он казался немного задумчивым. Но я привыкла к этому. Леттис и Марк очень любят друг друга. – Миссис Давенант улыбнулась. – Леттис очень подходит ему. Он так изменился, когда вернулся из Франции. Стал мрачным, полным горечи. Думаю, он разлюбил летать – печально, так как до войны это было его величайшей страстью. Теперь Леттис все для него. Вряд ли Чарлз мог бы встать на пути этого брака, даже если бы хотел.

Ратлидж видел, что миссис Давенант любит своего кузена, – ей и в голову не приходило, будто Уилтон мог убить Харриса. Говорила она свободно, тепло и в то же время с какой-то

загадочной отстраненностью. Как если бы ее собственные эмоции были крепко заперты и не затронуты убийством. Или же она привыкла сдерживать их так долго, что это стало ее второй натурой. У некоторых женщин это бывало ответом на вдовство, но здесь могли быть и другие причины.

– Капитан Уилтон ходил на прогулку в понедельник утром?

– Конечно. Он любил ходьбу, а после катастрофы – Марк разбился перед самым концом войны – езда верхом стала трудной для него. Его колено сильно пострадало, и хотя при ходьбе это едва заметно, контролировать лошадь – другое дело.

Ратлидж изучал ее. Привлекательная женщина с той чисто английской красотой, о которой мужчины мечтали, погибая в окопах за короля и страну. Розовое шелковое платье при свете из высоких окон придавало ее коже мягкий розоватый оттенок. Такой же оттенок мог быть вызван страстью. Ратлиджа интересовало, не увлекался ли ею когда-нибудь Чарлз Харрис. Мужчина иногда сохраняет женский романтический образ в своей душе, когда проводит долгие годы за границей, – это связь с домом, реальная или воображаемая.

– Куда капитан Уилтон обычно ходил?

Миссис Давенант пожала плечами:

– Не могу вам сказать. Полагаю, в зависимости от настроения. Однажды, когда я пришла домой, увидела, как фермерская повозка высадила его у наших ворот. Он сказал мне, что ходил в Лоуэр-Стритем и Бэмптон! По пути Марк собрал букетик полевых цветов для Леттис, но он увял. Жаль!

– Насколько я понимаю, он поссорился с Чарлзом Харрисом в воскресенье вечером после обеда. Вы не знаете, из-за чего?

– Инспектор Форрест задавал мне тот же вопрос, когда приходил насчет дробовиков, – с сердитым вздохом ответила миссис Давенант. – Не могу себе представить Чарлза и Марка ссорящимися. Они могли поспорить о лошади или военной тактике, но не всерьез. Оба отлично ладили с тех пор, как повстречались в Париже во время отпуска.

– Как я понял, капитан Уилтон провел некоторое время здесь перед 1914 годом. Он и полковник Харрис не были знакомы тогда?

– Думаю, Чарлз был в Египте тем летом, когда мой муж умер. А Леттис, конечно, была в школе.

– А свадебные приготовления проходили спокойно?

– Насколько я знаю, да. Леттис заказала себе платье и на будущей неделе должна была ехать в Лондон на первую примерку. Приглашения были отправлены типографу, цветы выбраны для свадебного завтрака, строились планы свадебного путешествия – сомневаюсь, чтобы Марк возражал, если бы Леттис захотела отправиться на Луну! А Чарлз обожал ее и никогда не противился ее желаниям. Ей было достаточно попросить. Из-за чего им было ссориться?

В устах миссис Давенант слово «брак» звучало идиллически – такую высокую романтику не могла остановить даже смерть. И все же за те три дня после того, как Чарлза Харриса нашли убитым, Леттис, очевидно, не пыталась повидать Уилтона. Он, насколько знал Ратлидж, тоже не ходил в «Мальвы».

Ратлидж собирался развить эту тему, но тут дверь открылась, и капитан Уилтон шагнул через порог.

На нем был сельский твидовый костюм, который подходил ему так же хорошо, как, должно быть, униформа, придавая его мускулистому телу элегантность. Газетные фотографии Уилтона, стоящего перед королем, не воздавали ему должное. Он был таким же светловолосым, как его кузина, и глаза его были такими же синими, – словом, он полностью соответствовал популярному портрету «воина-героя».

«Нацепи ему на голову окровавленную повязку, дай саблю в одну руку и флаг в другую – и готов служака для вербовочного плаката, – мрачно заметил Хэмиш. – Только эти прекрасные летчики бомбили бедняг в окопах и поджигали других пилотов. Интересно, быть сожженным живо лучше, чем задушенным в грязи?»

Ратлидж невольно поежился.

Уилтон приветствовал его кивком, сделав то же замечание, что и ранее его кузина:

– Должно быть, вы человек из Лондона.

– Инспектор Ратлидж. Я бы хотел поговорить с вами, если не возражаете. – Он посмотрел на миссис Давенант: – Надеюсь, вы извините нас?

Она с улыбкой поднялась:

– Я буду в саду, если захотите повидать меня перед уходом. – Бросив на кузена утешительный взгляд, миссис Давенант вышла из комнаты, бесшумно закрыв за собой дверь.

– Не знаю, какие могут быть у вас вопросы, – сразу же сказал Уилтон, оставив трость на подставке у двери и сев на стул, освобожденный кузиной. – Но сразу могу сообщить, что не убивал Чарлза Харриса.

– Почему я должен думать, что это вы? – спросил Ратлидж.

– Потому что вы не дурак, и я знаю, как Форрест вынашивал свои подозрения, интересуясь моим внезапным уходом из «Мальв» в воскресенье вечером и желая знать, что обсуждали мы с Чарлзом на следующее утро, когда этот чертов придурок Хикем якобы видел нас в переулке.

– А вы с полковником действительно встречались следующим утром? В переулке или где-нибудь еще?

– Нет. – Ответ прозвучал недвусмысленно.

– Из-за чего произошла ваша ссора после обеда вечером накануне убийства?

– Это было личное дело, не имеющее отношения к вашему расследованию. Можете положиться на мое слово.

– Нет личных дел, когда речь идет об убийстве, – сказал Ратлидж. – Я снова спрашиваю вас: что вы обсуждали в воскресенье вечером после того, как мисс Вуд поднялась в свою комнату?

– А я снова отвечаю вам, что это не ваше дело. – Уилтон не был ни сердит, ни раздражен.

– Это имело отношение к вашему браку с мисс Вуд?

– Мы не обсуждали мой брак. – «Мой», а не «наш», отметил Ратлидж.

– Значит, вы обсуждали последующие события? Где вы будете жить после заключения брака? Как вы будете жить?

Мышцы вокруг рта Уилтона напряглись, но он ответил почти без промедления:

– Обо всем этом мы условились несколько месяцев назад. Жилье никогда не было проблемой. У Леттис есть собственные деньги. Мы будем жить в Сомерсете, где у меня дом, и бывать здесь так часто, как она захочет. – Поколебавшись, капитан добавил: – Я собирался после войны заняться авиаконструированием. Теперь я в этом не уверен.

– Почему? – Когда Уилтон не ответил, Ратлидж спросил: – Из-за денег?

Уилтон нетерпеливо покачал головой:

– Я устал от убийств. Четыре года я доказывал, что машины, на которых я летал, подходят для этого. Все, что министры его величества хотят слышать об аэропланах в данный момент, – это как сделать их более смертоносными. Родственники моей матери занимаются банковским делом, так что для меня есть и другие возможности. – Голос его звучал холодно.

Ратлидж хорошо понимал Уилтона. Он сам раздумывал, есть ли смысл возвращаться в Ярд, к делам об убийствах. Перед войной это выглядело по-другому, к тому же его отец посвятил жизнь служению закону. Но после того, как он видел слишком много мертвых тел...

Отгнав эти мысли, он спросил более резко, чем намеревался:

– Вы видели мисс Вуд после смерти ее опекуна?

Казалось, Уилтон был удивлен тем, что это важно для Ратлиджа.

– Вообще-то нет.

– У нее, очевидно, нет другой семьи. При сложившихся обстоятельствах для вас было бы естественно находиться рядом с ней.

– Я бы так и поступил, если бы мог что-нибудь для нее сделать, – сухо ответил Уилтон. – Послушайте, я отправился в «Мальвы», как только услышал жуткую новость. Доктор Уоррен уже был там – он сказал, что Леттис нуждается в отдыхе после сильного шока. Я послал сообщение с Мэри – одной из горничных, – но Леттис уже спала. Уоррен предупредил меня, что может пройти несколько дней, прежде чем она оправится настолько, чтобы видеть кого-нибудь. При сложившихся обстоятельствах, как вы правильно отметили, я не мог ничего сделать, пока она спала в своей комнате.

Но она не спала, когда приходил Ратлидж...

– Значит, доктор Уоррен дал ей успокоительное?

– А вы как думаете? Сначала Леттис буйствовала – настаивала, чтобы ее немедленно отвели к Чарлзу. Чего, конечно, Уоррен не мог позволить. Потом она потеряла сознание. Леттис лишилась обоих родителей, когда ей было четыре года, и я не думаю, чтобы она их толком помнила. Чарлз был единственной семьей, которую она знала.

Ратлидж воспользовался шансом:

– Расскажите, что за человек был Чарлз Харрис?

Глаза Уилтона потемнели.

– Прекрасный офицер. Надежный друг. Любящий опекун. Джентльмен.

Это звучало как эпитафия, написанная безутешной вдовой, – такое могла бы сказать королева Виктория о принце Альберте в порыве возвышенной страсти.

– Что не говорит мне абсолютно ничего. – Голос Ратлиджа был по-прежнему спокойным, но в нем теперь проскальзывали резкие нотки. – Каков был его характер? Был он способен затаить злобу? Легко ли он заводил врагов, был ли верен друзьям? Был ли он пьяницей? Имел ли любовные связи? Был ли честен в делах?

Уилтон нахмурился, закрыв наполовину лицо руками.

– Да, Чарлз был вспыльчив, но давно научился контролировать себя. Не знаю, таил он злобу или нет. Большинство его друзей были военные, с которыми он служил много лет. Не знаю, были ли у него враги, – я никогда о них не слышал, если не иметь в виду этого идиота Мейверса. Что касается выпивки, я видел Чарлза пьяным – мы все напивались во Франции, когда могли, – но он, как правило, пил умеренно, а связи с женщинами, если они и были, держал в тайне. Я никогда не слышал о нем как о бабнике. О его делах вы должны расспросить Ройстона. Я понятия не имею, в каком они положении.

– Вы познакомились с Харрисом во время войны?

– Во Франции в конце четырнадцатого года. Несмотря на разницу в возрасте и звании, мы стали друзьями. Год назад, когда Чарлз услышал, что я вышел из госпиталя, он привез меня в «Мальвы» на уик-энд. Там я и познакомился с Леттис. Если у него были секреты, он хорошо хранил их от меня. Я не видел ничего зловещего или недостойного в этом человеке. – Руки опустились, как если бы нужда в щите отпала.

Да, это была лучшая эпитафия, но абсолютно бесполезная для Ратлиджа, который хотел живой плоти и крови.

– И все же он умер насильственной смертью на тихом английском лугу в прошлый понедельник утром, и, хотя все говорят мне, что он был хорошим человеком, никто, кажется, особо не торопится найти его убийцу. Я нахожу это довольно странным.

– Конечно, мы хотим, чтобы убийцу нашли! – отозвался Уилтон, покраснев. – Кто бы это ни был, он заслуживает виселицы, и я сделаю все, что могу. Но я не в состоянии придумать

причину, по которой Чарлза могли застрелить, и вы бы не поблагодарили меня, если бы я мутил воду дикими бесполезными догадками!

– Тогда мы начнем с фактов. Когда вы покинули этот дом в понедельник утром и куда направились?

– В половине восьмого. – Уилтон взял себя в руки, но его сердитый голос все еще звучал отрывисто. – Упражнялся в укреплении колена. В понедельник я проследовал по дороге, которая идет позади церкви и вверх на холм, огибая «Мальвы». Я достиг вершины холма, а потом пошел к развалинам старой мельницы, которые находятся около моста через Уэр. Вернулся тем же путем.

Это был не тот переулочек, где, как заявлял Хикем, он видел ссорившихся полковника и капитана.

– Вы слышали выстрел, убивший его? Или кричащих людей?

– Выстрела я не слышал. Позже я встретил одного из фермерских работников, и он рассказал мне о случившемся. Я был потрясен. – Уилтон внезапно заерзал. – Я не мог в это поверить. Моя первая мысль была о Леттис, и я сразу пошел в «Мальвы».

– Вы встретили кого-нибудь по дороге?

– Двух человек. Дочку фермера, которая потеряла куклу, а потому сидела на пне и плакала. Я заговорил с ней, сказал, что поищу куклу, и спросил, знает ли она дорогу домой. Она сказала, что знает, так как часто ходит сюда собирать полевые цветы для матери. Позже я увидел Хелену Соммерс. Она была на холме с биноклем и не остановилась – только помахала рукой.

– Как насчет управляющего полковника – Ройстона? Он отправился к конюшне в поисках Харриса и оказался там в тот момент, когда лошадь прибежала без всадника. Фактически Ройстон руководил поисками. Вы считаете его честным? Или можно предположить, что он имел причины предотвратить назначенную на девять тридцать встречу с полковником?

– Вы имеете в виду, что Ройстон мог обманывать Чарлза, растратить его деньги, быть поиманным и ожидать увольнения в половине десятого, когда Чарлз вернется? – Уилтон нахмурился. – Полагаю, он мог добраться до луга раньше Чарлза, застрелить его и вернуться домой, прежде чем лошадь прискакала на конюшню. Предположим, он сократил дорогу через перелаз, а лошадь последовала за ним. Но на лошадях нельзя полагаться, верно?

Никто не упоминал короткую дорогу через перелаз, подумал Ратлидж.

– Но Чарлз никогда не говорил мне о каких-либо неприятностях с Ройстоном, – продолжал Уилтон. – К тому же остается вопрос о дробовике. Ройстон не взял его из «Мальв». Форрест сразу это проверил.

– Я слышал, как кто-то говорил, что было бы менее удивительно, если бы жертвой стали вы, а не Харрис. – Ратлидж увидел, как сержант Дейвис нервно передернулся, словно стараясь помешать ему выдать Леттис Вуд.

Но капитан Уилтон засмеялся:

– Вы имеете в виду, что другие поклонники Леттис могли устроить такое для меня? Не могу себе представить Холдейна или Карфилда, лежащих в засаде, чтобы меня прикончить. А вы, сержант? – Смех внезапно замер, и тень пробежала по лицу капитана. – Это глупо, – добавил он, но уже менее убежденно.

На этом Ратлидж прекратил расспросы и откланялся.

Марк Уилтон подождал, пока за полицейскими захлопнулась входная дверь, и задумался. Его интересовало, говорили ли они с Леттис и что она им сказала. Что бы она сказала ему, если бы он пришел в «Мальвы» сейчас? Уилтон не мог заставить себя думать о смерти Чарлза Харриса – только о том, что она изменит. Закрыв глаза, он откинулся на спинку стула. О боже, что за путаница! Но если бы он держал себя в руках и любовь к Леттис не подвела бы его, все было бы в порядке. Он должен был верить, что...

Когда Ратлидж и сержант вышли из дома, они увидели, что миссис Давенант направляется к ним с корзиной срезанных цветов – роз и пионов. Густой тяжелый аромат напомнил Ратлиджу о похоронах.

– Я пошлю их Леттис, чтобы подбодрить ее немного. Вы говорили с этим человеком, Мейверсом? По-моему, он способен на все, даже на убийство! Поверьте, мы были бы рады избавиться от него. В понедельник утром он разглагольствовал на рыночной площади. Никто, как обычно, не обращал на него внимания. Только и знает, что строить из себя дурака!

Ратлидж поблагодарил ее, и она вернулась к своим цветам, тихонько напевая себе под нос.

Когда машина отъехала от ворот, Хэмиш неожиданно произнес: «Этот капитан просто глупец. И слишком красив себе во вред. Если чей-нибудь муж не желал ему смерти, то женщина могла».

Игнорируя голос, Ратлидж повернулся к Дейвису и сказал:

– Где я могу найти Дэниела Хикема? Пора поговорить с ним и покончить с этим.

– Не знаю, сэр. Он живет в коттедже матери на краю деревни – вон в той хибаре впереди за пошатнувшейся изгородью. – Сержант указал на покосившийся коттедж, такой старый, что казалось, он скоро упадет под собственным весом. – Она умерла, и он унаследовал дом. Выполняет различные поручения, чтобы заработать на хлеб.

Они постучали в дверь, но не получили ответа. Дейвис поднял щеколду и заглянул внутрь. Единственная комната была темной и захлавленной, но пустой.

– Должно быть, он в городе.

Поэтому они поехали в Аппер-Стритем и увидели Лоренса Ройстона, выходящего с почты. Сержант Дейвис указал на него, и Ратлидж окинул его взглядом.

Ройстону было около сорока лет, его виски уже начали седеть, он не был ни безобразным, ни особо привлекательным, скорее обладал солидной внешностью, которая внушает людям инстинктивное доверие, оправданное или нет. Его лицо было квадратным, с прямым носом, упрямым подбородком и четко очерченными скулами. Шея массивная, плечи широкие.

Ратлидж посигналил, и Ройстон, повернувшись на звук, нахмурился при виде незнакомого человека в незнакомой машине. Потом он заметил сержанта Дейвиса и подошел к ним, когда автомобиль втиснулся между двумя фургонами.

– Инспектор Ратлидж. Я веду дело Харриса и хотел бы, если можно, поговорить с вами.

Ройстон спрятал письмо, которое держал, в карман пиджака и спросил:

– Здесь?

Ратлидж предложил бар в «Пастушьем посохе», полупустой в это время дня, где они заказали Редферну кофе. Когда тот удалился, Ройстон сказал:

– Никогда в жизни не испытывал такого потрясения, как от смерти Чарлза. Даже когда увидел, что конюхи держат его лошадь и кровь на седле, то решил, что он ранен, но не мертв. Я подумал... не знаю, что я подумал. Господи, человек прошел две войны почти без единой царапины! Правда, бурская мушкетная пуля все еще в его левой ноге, а германский снайпер попал ему в левое плечо во Франции, но все это было не слишком серьезно. Я никогда не представлял... – Он покачал головой. – Это было ужасно – кошмар, который невозможно воспринять как реальность!

– Вы ожидали встречи с полковником в то утро в девять тридцать?

– Да. Для регулярного обсуждения дневных дел. Он любил сам во всем участвовать. Мой отец говорил однажды, что полковнику Харрису трудно дался выбор между гражданской жизнью и военной карьерой. Но нужно было содержать «Мальвы». Поэтому я всегда в деталях информировал его обо всем происходящем.

– Почему вы пошли в конюшню?

– Опаздывать было не в духе Чарлза, но у нас жеребилась ценная кобыла, и я подумал, что он мог пойти взглянуть на нее. Поэтому я пошел в конюшню. Мне нужно было ехать в Уорик, и, если полковник был занят, я хотел предложить, чтобы мы перенесли нашу встречу на после ланча.

– В вашем предстоящем разговоре не было ничего такого, из-за чего вы были бы рады отложить разговор?

Ройстон посмотрел на свой кофе с выражением отвращения.

– Если я и был рад что-нибудь отложить, так это поездку в Уорик. У меня была назначена встреча с дантистом.

Ратлидж улыбнулся, но сделал в уме заметку проверить это.

– Как долго вы работали на полковника?

– Уже около двадцати лет. Я приступил к этой работе, когда мой отец умер от сердечного приступа. Я не знал, чем еще заниматься, – Чарлз был в Южной Африке. Когда он вернулся, ему понравилось, как я управлял поместьем, и он попросил меня остаться. В моем возрасте это была редкая возможность – мне было всего двадцать. Но я вырос в «Мальвах» и хорошо знал это место. Чарлз мог найти куда более опытного человека, но, думаю, он был рад нанять кого-нибудь, кому это нравится. Он любил землю, и люди служили ему и, конечно, мисс Вуд в меру своих способностей.

– И вы будете продолжать управлять поместьем?

Ройстон поднял брови:

– Не знаю. Я даже не думал об этом. Но мисс Вуд, безусловно, унаследует «Мальвы»? Семьи у полковника не было...

– Я не видел завещания полковника. Его копия здесь или мне придется обратиться к поверенным в Лондоне?

– Копия в сейфе. Полковник оставил ее там на случай, если его убьют, – я имею в виду в армии. Конечно, она запечатана. Я не знаю, что там говорится, но не вижу причин, почему бы мне не вручить вам ее, если вы думаете, что это способно помочь.

– Кто мог застрелить полковника Харриса?

Лицо Ройстона помрачнело.

– Возможно, Мейверс. Он сам не смог ничего добиться в жизни, поэтому пытается навредить тем, кому повезло больше. Он уже почти год восторгается тем, как большевики застрелили царя и его семью, чтобы построить новое общество. Я бы не исключал, что этот ублюдок сделал то же самое с полковником.

– Но полковник был не самым крупным землевладельцем в Аппер-Стритеме, не так ли?

– Нет, самые крупные Холдейны. Давенанты считались почти такими же, но Хью Давенант не походил на своего отца. Он растратил большую часть денег на всякие дикие планы, и ему пришлось продать землю, чтобы выплатить долги. Я говорю о покойном муже миссис Давенант. Ей повезло, что он умер. Насколько я понял, он не усвоил урока, и она, в конце концов, осталась бы без пенни за душой. Но у него просто голова не была приспособлена к бизнесу.

– Кто купил большую часть земли Давенанта? Харрис?

– Он купил несколько полей, что граничат с его собственными, но львиную долю отхватили Холдейн и управляющий миссис Крайтон. Она живет в Лондоне, сейчас ей около девяноста, и она не бывала в Аппер-Стритеме с начала века.

– Итак, остановимся на Мейверсе, желающем за неимением царя застрелить Харриса или Холдейнов.

– Люди вроде Мейверса не мыслят так, как вы и я. У него была долгая вражда с Харрисом, и если бы он решил застрелить кого-нибудь, то, вероятно, выбрал бы полковника из принципа. Фактически он так и сказал, когда полковник пригрозил ему судом, если он попытается снова отравить собак. «Собака и хозяин заслуживают одной судьбы».

– Когда это произошло? До войны или позже?

– До, но вы еще не встречались с Мейверсом, верно?

– Есть свидетели, которые утверждают, что он был в понедельник утром на рыночной площади и произносил речь.

Ройстон пожал плечами:

– Что, если так? Никто не обращает внимания на его бредни. Он мог ускользнуть на время, никем не замеченный.

Ратлидж задумался. Вот и миссис Давенант сделала такое же замечание.

– Вы не думаете, что капитан Уилтон убил Харриса?

Ройстон покачал головой:

– Это нелепо! Чего ради?

– Дэниел Хикем заявляет, что он видел, как полковник и капитан ссорились в понедельник утром, незадолго до убийства. Как если бы ссора накануне продолжилась утром и внезапно привела к насилию.

– Хикем сказал вам это? – Ройстон коротко усмехнулся. – Я бы скорее поверил моему коту, чем пьяному полоумному трусу.

На сей раз готовый к такой характеристике, Ратлидж тем не менее вздрогнул.

Казалось, слова ударили по его нервам, вызвав физическую боль. Преодолевая ее, он спросил:

– Вы сами видели тело?

– Да. – Ройстон поежился. – Когда пошел слух, что полковника застрелили и кровь была повсюду, мой первый вопрос был: «Кто-нибудь из вас, дураков, проверил, дышит ли он еще?» Они посмотрели на меня, как на рехнувшегося. Когда я прибыл туда, то понял почему. Если бы я это сделал, то не смог бы вернуться туда ни за какие деньги. Сначала я был не в состоянии поверить, что это Чарлз, хотя узнал его шпоры, куртку, кольцо на руке. Тело выглядело как... как нечеловеческое.

Когда Ройстон ушел, Ратлидж допил кофе и мрачно произнес:

– Перед нами образец всех добродетелей, которого ни у кого не было никаких причин убивать. Если не считать Мейверса, хотя он имеет лучшее алиби из всех. Таким образом, мы остаемся с Уилтоном и этой проклятой ссорой. Скажите, сержант, каким был Харрис в действительности?

– Именно таким, сэр, – ответил сержант безапелляционным тоном, словно услышал глупый вопрос. – Очень достойным человеком. Совсем не таким, от которого ожидаешь, что он станет жертвой убийства.

Очень скоро они нашли Дэниела Хикема. Он стоял посреди Хай-стрит, словно регулируя движение транспорта, которого, кроме него, никто не видел. Ратлидж затормозил перед рядом маленьких лавок и какое-то время изучал его. Большинство жертв контузии, которых он видел в госпитале, были послушными, сидели с пустыми лицами, глядя в бездну собственных ужасов, или металась взад-вперед час за часом, как если бы старались убежать от преследующих их демонов.

По ночам он слышал в коридорах эхо воплей, ругательств и криков о помощи. Это настолько живо воскрешало перед мысленным взором окопы, что Ратлидж проводил ночи без сна, а большую часть дней в ступоре, что делало его таким же покорным и отчужденным, как остальные.

Потом сестра Франс перевела Ратлиджа в частную клинику, где он, по крайней мере, нашел убежище от этих кошмаров и обрел врача, достаточно заинтересованного его случаем, чтобы попытаться пробить стену молчания. Возможно, доктор был одним из любовников

Франс – как ни странно, все они оставались в добрых отношениях с ней, когда связь кончалась, и всегда были готовы прийти на помощь.

Наблюдая за Хикемом, было легко заметить, что он привык к воображаемому транспорту, едущему в разные стороны, и регулировал движение с достаточным опытом, как если бы стоял на оживленном перекрестке, где проходила автоколонна.

Он посылал одних налево, других направо, давал сигналы к повороту, кричал кому-то, чтобы тот заставил чертовых лошадей двигаться, и звал людей помочь вытащить из грязи пушку. Хикем эффектно салютовал офицерам, проезжающим мимо, – в его пантомиме нельзя было ошибиться, – затем демонстрировал грубый жест, который, впрочем, удовлетворил бы усталых людей, возвращающихся с фронта, и испуганных юнцов, идущих им на смену.

Во Франции Ратлидж видел множество людей, стоящих на дорожных развилках под дождем или палящим солнцем, заставляя полуживую армию двигаться, несмотря ни на что, выкрикивая распоряжения, ругаясь на отстающих, указывая безошибочными движениями, что делать в окружающем их хаосе. Многие погибали там, где стояли, от пуль, снарядов и бомб, отчаянно пытаясь удержать людей от полной потери ориентации.

Но телеги, экипажи и автомобили Аппер-Стритема всего лишь поворачивали немного, чтобы не задеть Хикема, оставляя его в центре дороги, как лошадиный навоз. Некоторые женщины колебались, прежде чем перейти улицу мимо него, приподнимали юбки с нервным отвращением и отворачивались в страхе. Тем не менее никто из деревенских мальчишек не дразнил его, и Ратлидж, заметив это, спросил почему.

– Во-первых, он дома почти год с тех пор, как его выписали из госпиталя. Во-вторых, он огрел палкой главаря мальчишек, наорал на него на ублюдочном французском и сломал ему ключицу. – Дейвис перевел взгляд на Хикема, который смотрел сейчас в другом направлении, запертый в прошлом, которое никто не мог с ним разделить. – Отец мальчишки сказал, что тот получил по заслугам, но другие считали, что Хикема нужно изолировать, пока он не покалечил кого-нибудь еще. Однако викарий не желал и слышать о сумасшедшем доме – он говорил, что Хикем проклятая душа, нуждающаяся в молитве.

«Боже всемогущий, – тихо произнес Хэмиш. – Это ты через пять лет, только вокруг тебя будет не транспорт, а люди, окопы, кровь, вонь, снаряды, и мозги твои будут раскалываться от грохота. Ты будешь кричать нам, чтобы мы перелезли через насыпь, спрятались в укрытие или держали строй, а сестры будут привязывать тебя к кровати, и никто не станет обращать внимания на твои вопли, когда капрал Хэмиш...»

– Сперва я увижу нас обоих мертвыми, – процедил Ратлидж сквозь стиснутые зубы. – Клянусь...

Дейвис испуганно посмотрел на него.

Глава 4

– Вы сами видите, что он практически выжил из ума, – сказал Дейвис, когда Ратлидж, сидя за рулем, тупо глядел на нескладную фигуру в центре залитой солнцем, оживленной Хай-стрит.

Сержант не был уверен, что понимает человека из Лондона, и сомневался, что тот правильно процитировал капитана, сказавшего полковнику: «Сначала я увижу вас в аду». Должен ли он был поправить Ратлиджа? Или притвориться, что не заметил ошибки? Инспектор вроде бы не спешил арестовывать капитана Уилтона.

– Выжил из ума? Нет, он заперся в нем. Должно быть, Хикем регулировал транспорт, когда начались бомбардировки, и продолжал это делать, пока они не подошли слишком близко. Вот почему он ведет себя так, – ответил Ратлидж, наполовину обращаясь к самому себе. – Это последнее, что он помнит.

– Не знаю, сэр...

– Зато я знаю, – прервал разговор Ратлидж, вспомнив, где находится и с кем.

– Да, сэр, – с сомнением отозвался Дейвис. – Но уверяю вас, что сейчас с ним бесполезно говорить. Он не услышит вас. Он в своем собственном безумном мире. Нам придется вернуться позже.

– Тогда взглянем на луг, где нашли тело. Но сначала я хочу отыскать доктора Уоррена.

– Он живет здесь, за гостиницей. Отсюда виден его дом.

Это было узкое кирпичное здание, где находилась маленькая приемная. Доктор Уоррен собирался уходить, когда Ратлидж подошел к двери и представился.

– Хочу задать вам несколько вопросов, если не возражаете.

– Возражаю, – сердито сказал Уоррен. Это был пожилой, сутулый, сидящий мужчина с голубыми глазами, остро смотревшими из-под мохнатых черных бровей. – У меня на руках очень больной ребенок и роженица. Это может подождать.

– Кроме одного вопроса. Вы прописывали успокоительное мисс Вуд?

– Конечно. Девушка была вне себя от горя, и я боялся, что она заболит. Поэтому я оставил порошки Мэри Саттертуэйт, чтобы она давала их хозяйке трижды в день и ночью, пока та не придет в себя. И чтобы никаких посетителей, включая вас.

– Я уже видел ее, – ответил Ратлидж. – Она казалась несколько... отстраненной. Я бы хотел знать почему.

– Будешь отстраненной после всего, что я дал ей. Она желала видеть тело полковника – думала, ему попали в сердце. Но ему раздробили голову выстрелом почти в упор, оставив обрубок шеи. И мне пришлось сообщить ей это, чтобы она выслушала меня. Нет, не напрямую, конечно! Но достаточно, чтобы удержать ее. Она потеряла сознание, но, когда мы отнесли ее в кровать, уже пришла в себя. Я дал ей порошок, растворенный в воде, и она выпила, не зная, что это. А сейчас, пока я обсуждаю с вами успокоительное, должен родиться ребенок. Первый ребенок, а от мужа никакого толку – он, вероятно, грохнется в обморок при первом появлении крови. Так что отпустите меня.

Доктор быстро прошел мимо Ратлиджа в сторону гостиницы, где, очевидно, оставлял свой автомобиль. Ратлидж проводил его взглядом, потом сбежал по ступенькам к собственной машине, где сидел Дейвис.

Ратлидж поехал по Хай-стрит и замедлил скорость, когда Дейвис указал на дорогу, которая начиналась у затененной деревьями стены кладбища и по которой, по его словам, шел Уилтон. Она вела через вспаханные поля к вершине невысокого холма и затем спускалась к узкому каменному мосту и развалинам старой мельницы. Трехмильная прогулка занимала немного времени.

Церковь находилась не на самой Хай-стрит, а в стороне от нее, на Корт-стрит, где стояли маленькие домики. Ратлидж подумал, что это могли быть средневековые приюты для нуждающихся, ибо все четырнадцать были одного размера и облика. Он повернул к ближайшему, у ворот кладбища. Не выключая мотор, подошел к грубой кладбищенской стене, откуда открывался лучший вид на дорогу. Он хотел посмотреть, есть ли места, откуда пахарь или жена фермера, кормящая цыплят, могли бы наблюдать за происходящим. Ему нужны были свидетели – люди, которые видели Уилтона во время утренней прогулки, взбирающегося на холм с тростью в руке. Или... вообще видели его, что могло быть в равной степени важным...

Начало дороги было пустым, если не считать ссорящейся пары воронов. Дальше она была почти не видна, ибо следовала вдоль ряда деревьев, окаймлявших возделанные поля. Ратлидж смог разглядеть только привязанную корову.

Вернувшись к машине, он спросил:

– По этой дороге можно добраться на луг, где нашли тело?

– Да, отсюда это не видно, если вы не знаете, куда смотреть, но есть маленькая тропинка, примерно через два поля от нас. Если вы пойдете по ней, то наткнетесь на изгородь, которая тянется вдоль земли полковника. Там есть еще меньшая дорожка, которая соединяется с другой, идущей от Смизи-Лейн, – я покажу вам это место, так как там я нашел вдрызг пьяного Хикема. Представьте себе букву «Н», сэр. Эта дорога у церкви и другая у Смизи-Лейн образуют вертикальные линии и взбираются на холм, а перекладина – маленькая дорожка, соединяющая их.

– Да, понимаю. А когда доберешься до изгороди?

– Найдешь перелаз в ней и очутишься в полях, где полковник выращивал кукурузу. Между изгородью и рощей – полоска невспаханной земли, предназначенная для сенокоса. На дальней стороне рощи находится луг. Это место убийства.

Ратлидж поехал назад. На Хай-стрит он снова увидел Хикема, плетущегося по тротуару, опустив голову, бормоча что-то себе под нос, и пару раз махнувшего рукой. Это был жест отвращения. Теперь он выглядел пьяным, опустившимся человеком. Ни Ратлидж, ни Дейвис не сделали никаких комментариев, но оба видели, что нет смысла останавливаться.

Продолжая ехать в направлении «Мальв», Ратлидж увидел Смизи-Лейн. Дейвис указал ему на нее. Немощная улица тянулась между кузницей и конюшней с экипажами напрокат справа и скобяной лавкой слева. Помимо этих заведений, было еще шесть или семь развалившихся домов, поднимающихся вверх по склону холма к полям. Там, где стоял последний дом, Смизи-Лейн превращалась в дорогу для повозок, которая вскоре сужалась до сельской улочки с ухабами и лужами грязи. Ратлидж вел машину осторожно, беспокоясь за шины и оси.

Вскоре дорога потерялась в зарослях боярышника и дикой вишни, и им пришлось покинуть автомобиль.

– Здесь я нашел Хикема, – выйдя из машины, сказал Дейвис. – Он спал среди листвы. А там, – сержант указал на то место, где дорога переходила в улочку, – как утверждает Хикем, он видел полковника, разговаривающего с капитаном Уилтоном.

– Вы искали здесь следы копыт? Или отпечатки ботинок Уилтона?

– Инспектор Форрест приехал искать следующим утром и сказал, что нам лучше передать это дело Скотленд-Ярду.

– Но здесь были следы двух человек?

– Насколько он мог видеть, нет.

Это, вероятно, означало, что инспектор не хотел ничего искать. Ратлидж кивнул, и они двинулись дальше, до того места, где их тропинка пересекалась с другой.

– А это, сэр, граница земли Харриса, как я и говорил.

Обогнув поле кабачков, они подошли к изгороди. Сержант Дейвис быстро нашел перелаз.

– Теперь мы на земле полковника, – сообщил он.

Сырая земля прилипла к ботинкам. Поле для сенокоса представляло собой стену из высоких мокрых стеблей, увитых сорняками. Дикие розы цеплялись за пиджаки. Дейвис замысловато выругался, обжегшись крапивой. Наконец они вошли в рощу, где идти стало легче, а шаги по сырým листьям были почти беззвучными. Они вышли на маленький солнечный луг. Жужжание пчел наполняло воздух.

Дождь смыл следы крови, но трава все еще была примята множеством ног.

– Он лежал здесь, на груди, головой к деревьям, одна рука была под ним, другая вытянута вперед. Ноги слегка согнуты в коленях. Я бы сказал, что он упал с лошади и больше не шевелился. Значит, убийца вышел из-за деревьев, как мы. Например, вот здесь. – Дейвис указал место недалеко от того, где нашли тело. – Он упал не более чем в десяти футах отсюда, в зависимости от того, выбил его из седла выстрел или он свалился сам.

– Если его выбило из седла, почему он лежал лицом... грудью вниз? Если в него стреляли спереди, сила выстрела должна была отбросить его назад. Даже если бы лошадь от страха встала на дыбы, его ноги выскользнули бы из стремян и он упал бы назад. На спину, сержант! Или на бок. Но не лицом вниз.

Дейвис пожевал губу.

– Я и сам думал об этом. Харриса должны были застрелить сзади, чтобы он упал на грудь. Но это не соответствует следам крови на седле и задних ногах лошади. Ее не было на ушах или гриве. Если бы в Харриса стреляли сзади, а не спереди, грива была бы забрызгана кровью и мозгами.

– Тогда кто-то перевернул его. Поисковая группа?

– Они клянутся, что не прикасались к трупу. И так как полковник, несомненно, был мертв, не было смысла передвигать его.

– Значит, убийца?

Дейвис покачал головой:

– Зачем ему это делать? Он наверняка хотел убраться отсюда как можно скорее на случай, если кто-нибудь слышал выстрел и пришел бы посмотреть, в чем дело.

Ратлидж огляделся.

– Мы прошли около двух миль. Далеко ли дорога из рощи?

– Чуть больше чем в паре миль. Короче, если пробираться через заросли, как мы.

– Значит, Уилтон мог добраться до луга двумя путями – откуда мы пришли, если Хикем прав, или по дороге с кладбища, где он шел, если говорит правду.

– Да, но это маловероятно. Я не представляю себе капитана, ждущего среди деревьев, чтобы застрелить полковника из засады! Кроме того, когда Хикем видел его, у него не было ружья, верно? Так где же он взял ружье и где оно теперь?

– Хороший вопрос. Вы обыскали место убийства?

– Да, как только стало возможно, мы отправили людей в рощу и в заросли. Но кто знает, что к тому времени могло случиться с оружием? Вероятно, убийца спрятал его где-нибудь.

Гораздо важнее, где убийца взял дробовик, чем то, где он его спрятал, подумал Ратлидж.

– Если вы спуститесь с этого холма, – продолжал Дейвис, – и пройдете через поля к другой стороне изгороди, то скоро очутитесь во фруктовом саду позади «Мальв», у самого дома. Конечно, отсюда не видно, но дорога ведет прямо туда, если вы знаете, как идти. Этот район похож на клин пирога. «Мальвы» выходят на Уорикскую дорогу, а мы пришли с Хай-стрит. Корка пирога, так сказать, это дорога от Аппер-Стритема в Уорик. Сейчас мы на острие клина, пришли сюда по одной его стороне. Если бы мы направились по другой стороне, то перед нами было бы имение Холдейнов. – Он огляделся. – За церковью находятся дома для бедных, которые вы видели с кладбища. Рядом с ними земля Крайтона. Этот луг дальше от «Мальв» и прочего жилья, чем другая часть владений Харриса.

– Следовательно, убийца выбрал это место, так как чувствовал, что выстрел могут не услышать. Поблизости нет других домов?

– Нет.

Ратлидж прошелся вокруг луга, не зная, что ожидает найти, и ничего не нашел. Наконец он окликнул Дейвиса, и они двинулись назад к машине.

Но, дойдя до поля кабачков, Ратлидж передумал:

– Мы пойдем по тропинке – перекладине «Н» – до пересечения с другой дорогой, выходящей из-за кладбища. Я хочу посмотреть, как они соединяются.

Тропинка извивалась, но шла в основном на восток через вспаханные поля, где посевы уже зазеленели под дождем. Она соединялась с кладбищенской дорогой в центре полоски земли под паром, более или менее на открытом пространстве. Они стояли там, пока Дейвис описывал, как они могли продолжать путь через вершину холма к развалинам мельницы, когда увидели на некотором расстоянии женщину. Ее юбки развевались на ветру. Она пересекала холм уверенной, четкой походкой.

Сержант Дейвис прикрыл глаза от солнца.

– Это мисс Хелена Соммерс. Она и ее кузина живут в маленьком коттедже, принадлежащем Холдейнам. Они сдают его на лето, когда нет других арендаторов.

– Эта женщина встретила Уилтона на прогулке?

– Да.

Ратлидж двинулся в ее сторону.

– Попробуем поговорить с ней сейчас.

Дейвис окликнул женщину звучным баритоном, и она, повернувшись, махнула рукой в ответ.

Мисс Соммерс было около тридцати, ее лицо выглядело энергичным, а серые глаза – ясными. Она подождала их и поздоровалась:

– Доброе утро.

– Это инспектор Ратлидж из Лондона, – сказал Дейвис, слегка запыхавшись от быстрой ходьбы. – Он хочет задать вам несколько вопросов, если вы не возражаете.

– Конечно. Чем могу помочь? – Хелена Соммерс повернулась к Ратлиджу, прикрыв глаза от солнца.

– Вы видели или слышали что-нибудь необычное в понедельник утром, когда застрелили полковника Харриса? Насколько я понимаю, вы здесь прогуливались?

– Да. Но эта местность довольно холмистая, и эхо вытворяет забавные вещи со звуком. Я не слышала выстрела, да и вряд ли могла услышать его на вершине холма, если он донесся с этой стороны. – Она улыбнулась, указав на полевой бинокль, висевший на шее. – Мне нравится наблюдать за птицами. Когда я впервые пришла сюда, то услышала птичье пение и была готова поклясться, что моя добыча на том дереве, хотя она оказалась вон в тех кустах. А в следующий раз все было наоборот. – Ее улыбка увяла. – Говорят, что полковника Харриса застрелили на том маленьком лугу за рошей. Это правда?

– Да.

Женщина кивнула:

– Тогда я знаю, где это. В тот день я следовала за парой малиновок. Но боюсь, я едва ли услышала бы какие-нибудь звуки оттуда.

– Вы видели кого-нибудь?

– Капитана Уилтона, – ответила она с некоторой неохотой. – Я не говорила с ним, но видела его, и он помахал мне.

– В какое время это было?

Женщина пожала плечами:

– Не знаю. Думаю, рано. Около восьми или чуть позже. Я была поглощена выслеживанием кукушки и радовалась, что Уилтон не принадлежит к людям, которые любят остановиться и поболтать.

– В какую сторону он шел?

– В ту же, что и вы.

– Значит, к старой мельнице?

– Полагаю, да. Я не обратила особого внимания – он просто шел вот здесь. Я увидела его, узнала и помахала ему, а потом пошла дальше.

– Вы хорошо знали полковника?

– Едва знала. Мы здесь с апреля, и он любезно пригласил нас к обеду однажды вечером. Но моя кухня очень робкая, почти затворница, и не захотела идти. Я пошла одна и наслаждалась вечером. Однажды мы разговаривали на Хай-стрит. Когда я видела его едущим верхом, то всегда махала ему. Это все, что я могу вам рассказать.

– Но капитана вы знали достаточно хорошо, чтобы сразу понять, что видите его, а не кого-то другого?

Хелена Соммерс улыбнулась, ее серые глаза блеснули.

– Женщина не забывает Марка Уилтона, однажды увидев его. Он очень красив.

– Как бы вы описали полковника?

Мисс Соммерс задумалась над вопросом, как если бы раньше не уделяла полковнику особого внимания.

– Он был моложе, чем я ожидала. И довольно привлекательный. Очень начитанный для военного – за обедом у нас была интересная дискуссия об американских поэтах, и он, похоже, хорошо знал Уитмена. – Она откинула с лица прядь волос. – При поверхностном знакомстве он казался приятным человеком. Очень гостеприимным хозяином. Не могу сообщить вам больше, так как после обеда говорила в основном с Леттис Вуд и потом с миссис Давенант, а вскоре после этого вечеринка закончилась.

– Как бы вы описали отношения между Уилтоном и полковником Харрисом?

– Отношения? Едва ли я об этом могу судить. – Хелена Соммерс мысленно вернулась к тому вечеру и сказала: – Они держались вполне непринужденно друг с другом, как люди давно знакомые. Это все, что я могу вспомнить.

– Спасибо. Если вы припомните что-нибудь еще, что может помочь нам, пожалуйста, свяжитесь с сержантом Дейвисом или со мной.

– Да, конечно. – Поколебавшись, Хелена Соммерс спросила: – Полагаю, я могу продолжить свою прогулку? Моя кухня сердится, не любит, когда я ухожу. А я ненавижу сидеть взаперти. Здесь нет... ну, опасности?

– Со стороны убийцы полковника?

Женщина кивнула.

– Сомневаюсь, что вы должны чего-то опасаться, мисс Соммерс. Тем не менее вам следует проявлять разумную осторожность. Мы все еще не знаем, кто и почему убил полковника.

– Ну, желаю вам удачи в поисках убийцы, – сказала Хелена Соммерс и двинулась дальше.

– Приятная леди, – заметил Дейвис, провожая ее взглядом. – Зато ее кухня робкая, как мышка. Никогда не показывается в городке, но содержит коттедж в безупречной чистоте. По словам миссис Холдейн, она сперва считала бедную девушку полоумной, но однажды пришла к ним в коттедж посмотреть, как они устроились, и увидела, что бедняжка просто робкая.

Ратлиджа не интересовала робкая кухня мисс Соммерс. Он устал и проголодался, а Хэмиш что-то бормотал себе под нос последние полчаса, что определенно свидетельствовало о психической неуравновешенности в данный момент самого инспектора. Пора было возвращаться.

Больше всего Ратлиджа беспокоил сам полковник. Он хорошо представлял себе, как этот человек вдохновляет солдат, у которых не оставалось ни физических, ни душевных сил, чтобы сражаться. Высокая подтянутая фигура в офицерской шинели. Энергичный голос разрезает предрассветную мглу. Его сила каким-то образом передается стоящим перед ним замерзшим, испуганным людям, убеждая их, что они в состоянии атаковать наступающим утром. И солдаты делают то, о чем их просят, только для того, чтобы увидеть, как атака захлебнется и холм снова перейдет к фрицам.

Но здесь, в Аппер-Стритеме, Чарлз Харрис казался всего лишь бледной тенью этого офицера, спокойным и приятным человеком, как описала его миссис Давенант. Безусловно, не тем человеком, которого могли убить.

Как положить пальцы на пульс мертвеца и вернуть ему жизнь? Когда-то, в начале карьеры, Ратлидж мог это делать, видя жертву с точки зрения убийцы и понимая, почему он или она должны умереть. Потому что иногда разгадка убийства заключалась только в этом. Но здесь, в Уорикшире, полковник, казалось, ускользал от него...

Кроме знания факта, что ему снова придется иметь дело со смертью, Ратлидж не представлял возможных проблем возобновления своей карьеры в Ярде. По крайней мере, пока он был в клинике, запертый в своем отчаянии и страхе. Честно говоря, он видел свое возвращение в основном как ответ на нужду оставаться занятым, отгородиться от Хэмиша, от Джин, от развалин своей жизни.

Даже в Лондоне Ратлидж не задумывался о том, подходит ли он все еще для этой работы. Он не задумывался, могли ли повредить ужасы войны его опыту и интуитивной хватке улавливать хрупкие нити информации, которая была его величайшей способностью. Может ли он стать хорошим полицейским снова? Ратлидж ожидал, что его способности вернуться без усилий, что они, подобно верховой езде или плаванию, нуждаются только в возобновлении тренировок...

Теперь Ратлидж вдруг забеспокоился. Напряжение давало Хэмишу доступ к его совестливому уму. Врачи говорили ему об этом.

Он вздохнул, и в ответ сержант Дейвис, шагая по траве рядом с ним, сказал:

– Это было долгое утро, но мы никуда не пришли.

– Разве? – Ратлидж с усилием вернул мысли к делу. – Мисс Соммерс сказала, что она видела Уилтона, идущего по этой тропинке. Но откуда он шел? С кладбища, как он утверждает? Или по переулку, как заявляет Хикем, где он встретил полковника? Или же он следовал за Харрисом на луг с намерением убийства?

– Но этот путь ведет к развалинам у старого моста, как Уилтон говорил нам, а мисс Соммерс видела его здесь около восьми. Поэтому мы не ближе к правде, чем были раньше.

– Да, но, так как мисс Соммерс видела его здесь, он должен был сказать нам, что шел к мельнице, не так ли? Не важно, где он действительно был и куда направлялся.

– Значит, вы думаете, что он виновен? – Сержант Дейвис не мог сдержать нотки разочарования в своем голосе.

– В данный момент у нас недостаточно информации, чтобы принять какое-либо решение. Но это возможно.

Они добрались до автомобиля, и Ратлидж, открыв дверцу, наклонился, чтобы отряхнуть брюки от травы. Дейвис стоял у капота, обмахиваясь шляпой: его лицо покраснело от напряжения.

Все еще следуя потоку своих мыслей, Ратлидж продолжал:

– Если мисс Соммерс права и Уилтон шел к мельнице рано утром – скажем, в восемь, – он мог находиться на значительном расстоянии от луга, когда был застрелен полковник. Разумно предположить, что лошадь побежала прямо домой и полковник умер между половиной десятого и десятью, когда Ройстон пошел к конюшне искать его.

– Действительно, Уилтон должен был добраться до развалин и моста к этому времени. Значит, вы говорите, что о пребывании капитана в переулке в то время мы знаем только со слов Хикема.

– Похоже на то. Без Хикема нет свидетельств о том, откуда шел капитан, прежде чем он столкнулся с мисс Соммерс. Нет доказательств и последующей ссоры. И нет никаких оснований, кроме того, что Джонстон и Мэри подслушали в холле «Мальв», верить, что у капитана был повод застрелить Харриса.

Лицо сержанта просветлело.

– И никакое жюри в этом графстве не поверит словам Дэниела Хикема о человеке, награжденном крестом Виктории.

– Вы кое-что забываете, сержант, – сказал Ратлидж, садясь в машину.

– Что именно, сэр? – с беспокойством спросил Дейвис, взглядываясь в лицо Ратлиджа.

– Если Уилтон не убивал Харриса, то кто? И кто перевернул труп?

После ланча в «Пастушьем посохе» Ратлидж достал маленькую кожаную записную книжку, сделал несколько записей и задумался, что делать дальше. Он отправил Дейвиса домой к жене на ланч и теперь, потягивая кофе, наслаждался кратким одиночеством.

Что представлял собой Харрис? Это казалось ключом к разгадке всего дела. Что таилось в жизни этого человека, приведшее его к кровавой смерти на залитом солнцем лугу?

Или почему он должен был умереть именно тем утром? Почему не на прошлой неделе, в прошлом году, десять лет назад?

Что-то запустило цепочку событий, закончившуюся на том лугу. Что-то сказанное – или оставшееся несказанным. Что-то сделанное – или оставшееся несделанным. Что-то почувствованное, мелькнувшее, неверно понятое, что-то приведшее к роковому выстрелу.

Ройстон, Уилтон, миссис Давенант, Летгис Вуд. Четыре разных человека, имевшие различные отношения с полковником. Ройстон – служащий, Уилтон – друг, миссис Давенант – соседка, а Летгис Вуд – воспитанница. Безусловно, полковник должен был казаться другим каждому из них. Человеческой натуре свойственно окрашивать чужое настроение, разговоры и темперамент таким образом, чтобы удовлетворить любопытствующего. Наверняка кто-то из четверых охарактеризует полковника должным образом, что приведет полицию к ответу.

Было трудно поверить, что Чарлз Харрис не имел никаких грехов на своей совести, никаких образов, преследовавших его во сне, никаких теней в душе. Не существовало такого явления, как совершенный английский джентльмен...

Хэмиш начал напевать мелодию, и Ратлидж попытался игнорировать ее, но она была знакомой и отвлекала его от размышлений. Внезапно он осознал, что это – полузабытая викторианская баллада «Истинный английский джентльмен», написанная менее известным современником Киплинга и менее популярным, так как его чувства были горькими и в нем отсутствовало киплинговское ощущение того, с чем читающая публика будет мириться и от чего отворачиваться. Но баллада была достаточно популярной в окопах во время войны:

Он истинный английский джентльмен, что никогда не проливает пиво.

Обедает он с леди, не стыдясь бранить неподогретый суп сварливо. Отличный он солдат на всех фронтах и в сапогах блестящих марширует.

С товарищами делит грязный труд, что все игрой в убийство именуют.

Но дома выглядит он по-другому. Он бьет слугу, что возразить не смеет.

Он спит с его женой, не опасаясь, что муж когда-нибудь его застрелит.

Другие люди одного с ним сорта хранят свои секреты и не знают, Что тот, кто с ними за столом сидит, грязнейшей похотью одолеваем.

Следите за английским джентльменом. Не подпускайте его близко, дамы.

Не в силах он бороться с искушением и следует своим путем упрямо.

Какой же секрет скрывался за симпатичным лицом Чарлза Харриса? Что сделал этот «приятный» человек, отчего кто-то пожелал его уничтожить при помощи выстрела в упор из дробовика?

Бартон Редферн едва убрал кофейный прибор и повернулся, чтобы захромать к кухне, как вошел доктор Уоррен и, увидев Ратлиджа за столиком у окна, поспешил к нему.

– Вам лучше пойти со мной, – сказал он. – Они хотят линчевать этого придурка Мейверса!

Глава 5

Мейверс, окровавленный и распростертый в пыли у столба деревенского рыночного креста, изрыгал проклятия, в то время как дюжина мужчин пытались пнуть его и подтащить к широкому дубу, стоящему в стороне от лавок. На злых лицах была написана жажда убийства, и кто-то уже держал веревку, хотя Ратлидж не был уверен, намечена ли она для повешения Мейверса или всего лишь для привязывания его к дереву. Один человек принес лошадиный кнут, но, когда тяжелый удар, предназначенный Мейверсу, пришелся вместо этого ему самому по голени, он повернулся и взмахнул кнутом для воздаяния. Кнут щелкнул по толпе, и на момент казалось, что сейчас вспыхнет всеобщая драка. Мейверс продолжал обзывать всех непечатными словами.

Женщины спасались от хаоса в ближайших лавках, их испуганные лица белели в витринах, а лавочники, стоя в дверях, требовали, чтобы весь этот кавардак прекратился. Дети с плачем цеплялись за материнские юбки, четыре или пять собак, привлеченных шумом, возбужденно лаяли.

Хэмиш глухо ворчал, пока Ратлидж пробирался сквозь толпу с грубым пренебрежением к атакующим и жертве. Он с холодным расчетом использовал свой голос – голос офицера, призывающего к дисциплине. Он был олицетворением власти во плоти, с которой приходилось считаться.

– Довольно! Отпустите его, не то я отправлю всех в суд за нападение! Только тронь меня своим кнутом, болван, и будешь валяться в грязи со сломанными руками...

Его неожиданное вмешательство на момент рассеяло толпу. Он схватил Мейверса за воротник, поставил на ноги.

– Что все это значит?

Доктор Уоррен следовал за Ратлиджем. Он хватал людей за руки, обращался к ним по именам:

– Мэтт, не будь дураком, положи кнут. Том, Джордж, посмотрите на себя! Жена огреет тебя утюгом, Уилл, за то, что ты порвал пиджак!

Мейверс, вытирая рукавом окровавленный нос, обратился к Ратлиджу:

– Я не нуждаюсь в вашей защите! От полицейского воняет начальством, и я чувствую запах угнетения. Кулаки лондонских буржуа давят в спину народа...

Ратлидж потрянул Мейверса хорошенько, заставив умолкнуть. Уоррен прекратил урезонивать жителей, все еще толпящихся вокруг рыночного креста, и уже окидывал профессиональным взглядом царапины, ушибы и распухшую губу.

Скандал закончился так же быстро, как начался.

– Отведите Мейверса в мою приемную. Я буду там через пять минут, – распорядился Уоррен.

Ратлидж скользнул взглядом по лицам, теперь в большинстве выражающим мрачную покорность, и решил, что здесь больше не будет неприятностей. Все еще сжимая скомканный воротник Мейверса, он повел бедолагу через дорогу к приемной доктора, игнорируя его протесты. Экономка Уоррена, чопорная, в черном накрахмаленном платье, ожидала их в дверях.

– Не смейте пачкать кровью мой чистый пол! – воскликнула она, с отвращением посмотрев на Мейверса, и отправилась за водой и тряпками.

– Какого черта вы делали там, всех переполошили! – сказал Ратлидж, стоя в дверях в ожидании экономки и поглядывая на улицу.

– Я говорил этим дурням то, что они не желали слышать. Я говорил им правду. – Голос Мейверса был гнусавым из-за распухшего носа.

– Какую правду?

– Что они слишком слепы, чтобы видеть свой шанс и воспользоваться им. Что их драгоценный герой войны – пустышка. Что полковник был угнетателем трудящихся и получил по заслугам. – Он продолжал, распаляя сам себя: – Всех помещиков ждет пуля, а их земли перейдут к крестьянам. А здесь кто-то уже сделал за них крестьянскую кровавую работу.

– Я уверен, что Мэтту Уилмору не понравилось, что его назвали крестьянином, – сказал доктор Уоррен за спиной Ратлиджа, – как раз когда он купил собственную ферму и раздувается от гордости.

Экономка принесла таз с водой и гипс для носа Мейверса, но нос не был сломан, а только кровоточил.

– Держу пари, это кулак Тома Диллингема, – с удовлетворением продолжал Уоррен, смывая кровь со злобного лица Мейверса. – Он здесь нечто вроде легенды, заработал достаточно денег как боксер, чтобы купить клочок земли около Уэра. Ему тоже наверняка не пришлось по вкусу прозвище «крестьянин». Даже арендаторы Холдейнов или миссис Крайтон не стали бы терпеть такое. Крестьяне исчезли вместе с Уотом Тайлером в 1340 году или когда это было.

Ратлидж улыбнулся.

– Теперь я могу идти? – проворчал Мейверс.

Уоррен вымыл руки.

– Убирайтесь, у меня есть дела поважнее. Неблагодарный дурень!

Ратлидж вышел с Мейверсом наружу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.